

КРОКОДИЛ

№ 6 • 1994

ISSN 0130 • 2671

И. ЛОСОСИНОВ.

В этом номере вам улыбаются:

- Григорий ЯВЛИНСКИЙ
- Лариса ГОЛУБКИНА
- Юлий ГУСМАН
- Зиновий ПАПЕРНЫЙ

Помочь России
с каждым днем трудней,
Здесь пятисот уже не хватит дней,
Но верит он: Россия не пропала —
Ей на голову ЯБЛОКО упало!
...Жаль, что понять бывает мудрено,
В какую сторону покатится оно.

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА

Любуясь красиво галопирующей инфляцией и не желая от нее отста- вать, Центробанк выпустил принци- пиально новые денежные купюры. На них удручающая череда нолей за- менена всего лишь парой милых русскому сердцу слов: «Миллион О. Бендера», «Приваловские мил- лионы», «Бешеные деньги»... На «Бендера» можно запросто купить 1 кг мяса, на «Бешеные» — 3 кг. Мелкие купюры — до 50 тыс. руб. — уже нигде не принимаются и не обме- няваются.

ЛЕТУЧИЕ ТРОЙКИ

Успешно поворачивая экономику лицом к народу, правительство, при- пекаемое мартовским солнышком, резко повысило пошлины на импорт, что было встречено с глум непони- манием. Это непонимание понял Пре- зидент и поправил правительство. Тогда Кабинет разработал еще бо- лее простой и эффективный способ ликвидации бюджетного дефицита, а значит, и повышения благосостоя- ния подданных. Теперь особые лету- чие тройки будут порхать по кварта- рам и изымать у жильцов всю налич- ность. Не понимающие, что это де- лается для их же блага, получают тер- пеливые разъяснения на пальцах. Путем зажима последних в мини- атурных тисочках. Или обычных дву- рях.

СИНДРОМ ФРАЕРА

Вознамерившись закатить пир с очередной полочки, думцы зафрах- товали шикарный «Савой». Но пер- вый же лакомый кус застрял у каж- дого в горле. Ни проглотить, ни вздохнуть. Спешно прибывшая бри- гада психо-тера-пэутов сошлась в диагнозе: «Синдром фраера». Ко- торого сгубила жадность. Уже синев, перепуганные «лимонщики» проголо- совали за урезание своих доходов до среднего по стране уровня. И сразу с облегчением вздохнули. И стали похожи на людей.

ПОЛОВАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙКА

«Женщины России» протащили в Думе закон о введении в стране чрезвычайного сексуального по- ложения в целях преодоления поло- вого беспредела. В результате на черном рынке поцелуй обыкновен- ный подскочил в цене до 1 тыс. руб. за штуку, поцелуй ниже пояса — до 10 тыс. руб., любовь голубая — до 300 тыс. за сеанс, лесбийская — до 500, любовь к животным — до 550, прочая извращенка — до 1 млн.! А вот любовь рабоче-крестьянская, не подпавшая под «чрезвычайку», обесценилась до тряпка за ночь. И когда только политики научатся просчитывать последствия своих действий!

КЕТОВАЯ КОРОВА

Бездетная чета, зоотехник Кетов и ихтиолог Быкова, совершила пере- ворот в естествознании: скрестила тихоокеанскую кету с сухопутным быком. Полуоченная особь, напоми- нающая небольшого кита с рогами, в женском варианте обильно мечет красную икру и дает парное молоко, в мужском — охотно огуливает коров и поставляет молоку. В период нере- ста мясо у феномена — настоящая кета, в прочие периоды — настоящая говядина. Поскольку водяная ско- тина предельно экономична — летом пасется в лугах, в зимнюю бескор- мицу уходит в океанскую пучину, — супруги-новаторы грозят завалить страну дешевыми рыбомясопroduk- тами.

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

Сборная России по домино забила козла сборной Островов Кука. Раз- разился громкий международный скандал — козел оказался талисма- ном островитян, который они всюду возили с собой. Горячие полине- зийцы успокоились лишь после того, как наш капитан сдал им запасного доминошника Козлова: «Вот тот ко- зел, что забил вашего козла». Теп- ерь Козлов объездит весь свет в качестве козла-талисмана. Если, конечно, козла не забудут.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Григорий Алек- сеевич! Вы заняты серьезными де- лами. Но человек с юмором и в серь- езном находит много смешного. Иногда это «смех сквозь слезы». Что представляется вам смешным в дей- ствиях «царствующих» экономистов и политиков? Или иначе: в серьезном мире экономики и политики?

нами в разное время по одному поводу, то это будет не только смешно, но и интересно для познания человеческой природы и времени, в котором мы жи- вем.

К. Находите ли вы почву для юмо- ристического взгляда на некоторые стороны деятельности Думы?

Г. Я. В деятельности Думы есть

Григорий ЯВЛИНСКИЙ: «НОРМАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ»

Г. ЯВЛИНСКИЙ. Я думаю, если бы кто-нибудь сделал такую любопытную работу: сравнил, кто и что из ныне пра- вящих политиков и экономистов говорил два-три года назад, год назад, в прош- лом месяце, на прошлой неделе, након- ец, вчера и сегодня поутру, и сравнил бы сказанное, ей-богу, это было бы смешно... Хотя и грустно. И совсем уж станет смешно, если вы, например, зай- метесь такими сравнениями и доду- маете наперед, что же они, то есть наши славные политики и экономисты, де- лающие погоду, скажут сегодня вечером или следующим утром. Смех этот — грустный.

К. А нельзя ли бросить в чей-то ого- род камень и назвать имена?

Г. Я. У меня есть определенный под- ход к взаимоотношениям с моими оппо- нентами: без крайней необходимости я стараюсь не называть никого. Да дело даже и не в этом. Если сделать такой контент-анализ, легко убедиться, что грешат сменной вех и концепций все. Сде- лайте это вы в журнале — и журнал станет бестселлером. Я же в целом рас- сматриваю анализируемое нами поведе- ние политиков и экономистов не как по- вод для их обсуждения, а как явление природы, как такой природный выброс, если хотите, который появился в нашей стране в период изменений. А вообще если вы посмотрите на наши образы, на наши лица вкупе со всем сказанным

много такого, что заставляет улыбаться. Ну вот хотя бы это: Дума не существует как юридическое лицо! Не имеет своего счета в банке! Она как бы отдел управле- ния делами Президента. Это смешно? Да, но сквозь слезы, потому что за депу- татов Думы голосовали 50 миллионов че- ловек. И потом, законодательная власть — и вдруг отдел управления де- лами Президента, то есть она как бы, вы- ходит, отдел исполнительной.

К. Черномырдин как-то серьезно за- явил, хотя это звучит юмористически: «Мы хотели сделать как лучше, а полу- чилось как всегда». Не есть ли это суть сегодняшних действий политических команд? Не обречены ли мы, обыва- тели, видеть комическую картину, когда уходящие со сцены лидеры оче- редных команд разводят руками и го- ворят: «Не вышло. Бывает...»?

Г. Я. Мы можем за это спросить толь- ко с самих себя. Ведь мы же сами, голосуя, приняли решение, чтобы в этих образах и этих лицах вершилась наша политика.

Одного из известных политиков, когда он уходил со своего поста, спро- сили: «Вот вы уходите, что теперь бу- дете делать?» Он сказал: «Я хочу напи- сать четыре книги. Первая будет назы- ваться «Любовь», вторая — «Жизнь», третья — «Власть»... Четвертая — я уже не помню, как должна называться. Когда я слышу, что наш известный

1 июня У ТОТОШИ И КОКОШИ в Детский день

Амир ДАУТОВ

АИСТЫ И КАПУСТА

Рассказик

— Мама! Мама! А откуда дети бер- рутся?
— М-м... Папа вот твой думает, что из магазина.
— А по правде?
— По правде... Тебе разве в дет- ском саду не говорили, что детей находят в капусте?
— Она же в магазине вся черная, сопливая...
— А ты и сейчас сопливый да и черным бываешь с утра до вечера! Иди вымой руки и лицо.

— А когда я по- моюсь, ты мне скажешь по правде, откуда дети бер- рутся?

— Хорошие дети берутся из музы- кальной школы, ба- летного класса, а таких, как ты... приносит аист!

— А аист откуда знал, что меня надо к вам с папой отнести?

— Было все не так. Это папа твой как раз ничего не знал. Он сам хотел куда-нибудь улететь, да его де- душка-аист выловил.

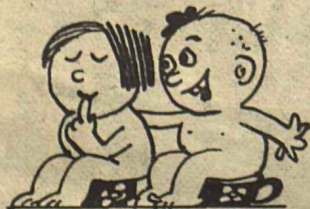
— Теперь понятно, почему в зоо- парке папа не давал мне аиста покормить!

— Все, иди играй.

— А откуда аист детей берет?

— Тебе еще не надоело? Тебе что, совсем делать нечего? И что тебя так это заинтересовало?

— А-а, Ирка из младшей группы сказала, что у нее ребеночек будет и что это я виноват...

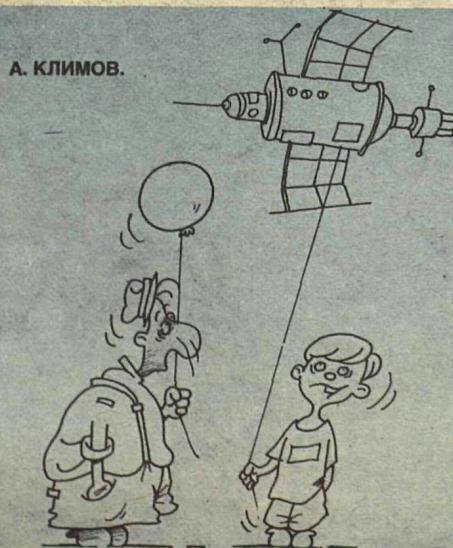
А. ГИЛЬМАНОВ

ПЛОХОЙ ПЕДАГОГ

Я знаний здесь не получу, похоже. Чему нас в школе может научить Химичка, если «Баунти» не может От «Марса» без обертки

отличить?!

г. Волжский.

Анекдоты

В приемной у врача сидят два мальчика.
— Ты зачем пришел? — спрашивает медсе- стра у старшего.
— Я проглотил стеклянный шарик.
— А ты чего ждешь, малыш?
— Тот шарик, который он проглотил.

Маленькая Лиза завершила свою вечернюю молитву так:

— И еще, Господи, пошли хоть какую-нибудь одежду тем бедным девушкам из журнала, ко- торый читает мой папа!..

— Назовите два местоимения, — говорит учительница. — Олег!

— Кто, я?
— Молодец, отлично. Садись.

— Вы должны каждый день делать какое-нибудь доброе дело, — сказала на уроке учи- тельница.

Назавтра Паша сообщил:
— Я вчера помог старушке перейти улицу.
— Молодец! А ты, Сева?
— Я помогал Паше.
— Хорошо. А ты, Вася?
— Я помогал Паше и Севе.
— Неужели и твоя помощь понадобилась?
— Еще бы! Старуха ни за что не хотела переходить на другую сторону!

Прислала Ф. ПОДБЕРЕЗСКАЯ, г. Москва.

политик напишет философскую книгу «Любовь», мне становится забавно, но, честно говоря, одновременно и странно такое слышать. Ведь по решениям этого человека мы все жили...

К. В одном из предвыборных интервью вы заявили, что знаете, как спасти народ и страну. Но не сказали, как. Сейчас еще не время?

Г. Я. Этот вопрос нужно отнести к тактике моих оппонентов. Именно они в предвыборной борьбе и утверждали: Явлинский, мол, не раскрывает, как

к сожалению, должны стать крупными политиками, чтобы иметь возможность реализовать свои идеи. Приведу пример. Когда идет война, хорошо, если руководит сражением военный, он знает, как воевать. Так и в экономике. Но в нашей стране пока не получилось, чтобы крупные лидеры, крупные политики были достаточно восприимчивы и принципиальны при проведении экономических реформ. Им все время кажется, что за счет экономики они могут идти на компромиссы, уступки. Выду-

ЗАЖДАЛАСЬ НАС...»

нужно вывести страну из кризиса. А я именно только тем и занимаюсь. У меня в связи с этим возникает к вам вопрос: если человек все время говорит одно и то же, он тупой или принципиальный? Спросите вот об этом своих читателей.

К. Это кавээновский вопрос. Но я считаю такого человека принципиальным, хотя оппоненты могут обзывать и тупым.

Г. Я. Так вот. Человек двадцать лет твердит: $2+2=4$. Ему говорят: «Что ты все одно и то же! Надоело. Пойми наконец: ты нам надоел, скажи что-нибудь другое». Он отвечает: «Я могу сказать и что-нибудь другое, но $2+2$ все равно будет четыре». Вот что-то другое им, кому я надоел, сказал Жириновский. Он сказал: надо выйти к Индийскому океану, каждой женщине дать по мужу и т. д. Вот это уже другое. Не правда ли?

К. Какие рычаги власти и точки опоры нужны экономистам, чтобы вернуть сумасшедший мир экономики в нормальное состояние? Не есть ли это партии? Гайдар вот создает. Бурбулис хотел создать президентскую партию. А есть еще партия любителей пива. Да мало ли...

Г. Я. Экономическая реформа в значительной мере представляет собой крупный политический процесс. Проблема экономистов во многом заключается в том, что на какое-то время они,

мывают какие-то собственные рецепты.

К. Складывается впечатление, что, помимо предусмотренных расходных статей бюджета, премьер и Президент тратят деньги, залезая, уж не знаю, в чей карман: куда руку сунул — там и взял. Откуда берутся средства на огромные не предусмотренные бюджетом расходы? За чей счет 250 млрд. рублей на выборы, 250 млрд. рублей на ремонт Белого дома да и прочие?

Г. Я. Турецким строителям за восстановление Белого дома заплатили валютой. А валюта, которая должна была быть потрачена на народное хозяйство, заменена нашими инфляционными деньгами. То, что вы говорите, — это непомерные расходы. Но здесь все просто. Помните, было: два президента, два ЦК — КПСС и КП РСФСР, два парламента, два правительства, ЦК ВЛКСМ, обком, горком, райкомы, огромный КГБ и прочее. Все сидели где-то в прямом и переносном смысле. Теперь мест не хватает, хотя Президент один, правительство одно, парламент один, а ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, обкомов, горкомов, райкомов вообще нет... Все это означает, что число чиновников вырослократно, многократно.

К. В соответствии с законом Паркинсона?

Г. Я. Вот-вот. Это тоже вопрос интересный. Ваш журнал может инициировать дискуссию на тему: не действуют Стр. 4

— И стали они жить-поживать да добра наживать...

А. КЛИМОВ, г. Набережные Челны.

А. ВАСИЛЕНКО, г. Киев.

В. ЛУГОВКИН.

ДЕТСКИЙ ЛЕПЕТ

— Осторожно! — кричит мама. — Мою любимую чашку разобьешь!

— У тебя, — замечает сынишка, — какую чашку ни разбей, она сразу становится любимой!

Поехали по грибы. Как остановились на полянке вблизи лесной дороги, так маленького Юру предупредили:

— Далеко от машины не отходи — потеряешься.

— Зато как вы обрадуетесь, когда я найдусь! — ответил малыш.

Поездив по хозяйству с дядей-агрономом, гость села дошкольник Павлик особенно поразился картиной, увиденной в зернохранилище, и рассказывал так:

— Пап, там дети работали в конспираторах!

Прислал А. АНИСЕНКО, г. Кузнецк.

Идем по улице. Я говорю: — Что написано? Читай по буквам.

Маша произносит:

— Р. Ы. Б. А.

— А что получилось вместе?

— Магазин.

По телевизору показывают роды, Маша в испуге:

— Мама, я не буду рожать, ты мне ребеночка сроди и отдай.

Маша: «Ты мне что не отвечаешь? Ты рыба, что ли?»

— Мама, давай купим собачку! — Хочешь английского коккер-спаниеля?

— Нет, ты что? Я же по-английски не умею разговаривать! Он меня не поймет!

Прислал А. ТРОФИМОВ, г. Москва.

Анна ГЕДЫМИН

ОБОРОТЕНЬ

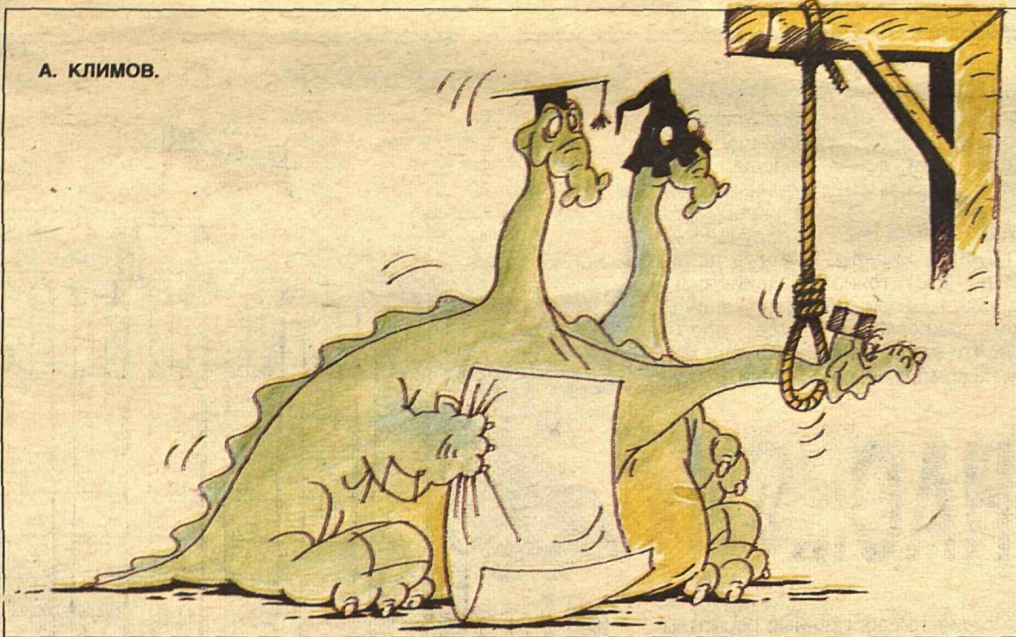
Даже в самый яркий день Не отбрасывает тень Оборотень.

Мы ему сказали: «Милый, Наша связь с нечистой силой Вызывает раздраженье В нашем близком окруженье. Так что правильно поймите, Не сердитесь, извините, Но сначала тень отбросьте, А потом уж — просим в гости».

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

А. КЛИМОВ.

«За драку возле общепита 8 марта, распитие спиртного в общепитии, выставление бутылок из-под вина в коридор танцы отменяются на месяц».

(Объявление в общепитии.)
Прислал
А. Мамедов, г. Томск.

«На повестке дня — горячая вода. И она успешно решается. Но нередко еще успешнее не решается».

«Повара отпускают блюда в дополнительном ассортименте — с улыбками, предлагая и их по вкусу».

(Из стенгазеты.)

Прислал
Н. Малахов, г. Москва.

«Прошу выписать мне усиленный аванс для очередного подпития. Я давно не пригубливал, истосковался по спиртному».

(Из заявления.)

Прислал
В. Клименок, г. Азарово.

«Объяснительная записка

28.VIII я не была на работе, потому что у меня была причина. Я была свидетелем, а по закону дружка должна нести утром молодой завтрак».

Прислала
Л. Тюрина, г. Лубны.

«Не старайтесь даже в гостях твердо отказать тем, кто по неведению заставляет жену для компании выпить, закусить маринованными огурчиками, солеными грибами, селедкой».

(Из «Памятки будущему отцу».)

Прислал
В. Королев, г. Калтан.

«Направляю удостоверение члена добровольной дружины на Кустова Б. Е., который в нетрезвом состоянии, фигурируя данным удостоверением, задерживал автотранспорт, создавая угрожающую безопасность движения на улицах города».

(Из акта.)

Прислал
Н. Цыпкин, г. Лиепая.

«— Что вам дают новые машины, установленные в коровнике?

— Они дают нам возможность съесть все сено без отходов».

(Из радиопередачи.)

Прислал
Е. Демченко,
г. Ростов-на-Дону.

В. ЛУГОВКИН.

А. СОЛДОВ, г. Саратов.

АНЕКДОТ БЕЗ БОРОДЫ

— Почему наш скорый поезд останавливается у каждого столба?
— Да потому, что нынче год Собаки.

Рассказал В. БАБОШИН,
г. Санкт-Петербург.

Перед витриной гастронома мрачная толпа: цены опять подскочили. Только один мужичок довольно улыбается.

— А ты чему радуешься?

— Цена. Какую дорогущую колбасу я бы ел, если б деньги были!

Рассказал А. ПАСТЕРНАК,
г. Боярка Киевской области.

— А ваша версия, майор Пронин?
— Преступники взломали дверь, сработала сигнализация, прибыла группа захвата, и все вместе поделили награбленное.

Рассказал Ф. КОНОНЕНКО, г. Калуга.

П. КУЛИНИЧ, г. Сочи.

◀ Со стр. 3.

«НОРМАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЗАЖДАЛАСЬ НАС...»

ли в России законы Паркинсона как болезнь Паркинсона? Знаете, что это за болезнь? Это очень сильный склероз. Полная размонтированность. Все дрожит, все отдельно, все — на составные части. Может быть, будет доказано, что законы Паркинсона в нашем российском преломлении действуют как болезнь Паркинсона?

К. Правильно ли впечатление некоторых политологов, что наша власть парит в воздухе, не имея прямых и обратных связей с обществом? Административным-то путем через вертикали ничего ведь сделать невозможно. Так вот, не является ли основой для оптимизма тот факт, что имеется спасительный разрыв, некое пространство между верхами и обществом, в котором мы сами шебуршим, ищем и находим пути своего выживания?

Г. Я. Проблема при этом только в том, что мы посылаем этой власти наверх деньги. Один-то канал снизу-вверх все-таки работает и качает наши деньги вверх. Верхи на это существуют, а дальше наступает ситуация, о которой вы говорите. Это напоминает один анекдот, который сочиняется на наших глазах. Мы регулярно сдаем деньги государству, а потом говорим: «Господа, покажите нам наш бюджет, как вы собираетесь расходовать наши кровные, что собрали у нас?» Они отвечают: «Не беспокойтесь, мы уже делаем бюджет». Мы говорим: «Тогда объясните, почему вы не платите нам зарплату, то и се, где же бюджет? Как вы расходуете наши деньги?» Нам опять отвечают: «Не волнуйтесь, мы пишем бюджет». И так они его писали до конца марта (хотя по закону уже в апреле мы должны были получить бюджет 1995 г.). Мало того, нет пока и отчета об исполнении бюджета даже за 1992 год.

В свою очередь, это напоминает мне такую шутку: один одолжил у другого деньги. Тот обязался вернуть в срок. Когда срок наступил, кредитор пришел и говорит: «Отдай деньги». Должник успокаивает: «Не волнуйся, вот видишь, ты у меня тут записан, что я тебе должен. Все в порядке». Через три месяца кредитор приходит опять за деньгами, а должник показывает все те же записи и говорит: «Вот видишь, ты записан, все в порядке». Прошло еще полгода, бедолага пришел за долгом, а должник говорит: «Ты мне надоел, я тебя вычеркиваю».

В наших магазинах есть все — приходите облизываться!

Что с того, что победа за нами, если побежденные впереди?

Борис КРУТИЕР,
г. Москва.

Александр ПЕРЛЮК,
г. Кировоград.

Я боюсь, что наше правительство в какой-то момент скажет: «Что вы приехали с этим бюджетом? Не будет вам бюджета. Вот не скажем вам о нем — и все. Вы назойливые. Мы вас вычеркиваем!»

И здесь я разделяю точку зрения нашего известного сатирика, который сказал: «Народ у нас замечательный, героический, в войне победил, реформы делает. Плохо дело с населением. Население стало каким-то приставучим, все чего-то хочет, чем-то недоволено».

Поэтому наше правительство разрешило эти два понятия на две категории. С народом оно общается, а к населению не хочет иметь никакого отношения, потому что это какие-то сплошь противники реформ. Ему, населению, говорят: уровень жизни возрос, у вас была зарплата 7 долларов в месяц, а сейчас 70 долларов. А оно говорит: знаем, но цена на хлеб за это время выросла в 800 раз. Правительство говорит: вы противники реформ, уходите отсюда.

К. В развитие этой мысли хочу напомнить, что, по-моему, Бисмарк сказал: «Революцию подготавливают гении, осуществляют фанатики, а плодами ее пользуются проходимцы». В какой стадии революционного процесса, судя по кадрам, мы сегодня находимся?

Г. Я. Похоже, что в третьей.

К. Кадры у нас опять решают все?

Г. Я. У нас кадры решают все в прямом и переносном смысле. Если посмотреть на судьбу многих наших чиновников, например, министров безопасности, вице-президентов, то у меня такое впечатление, что со времен Горбачева отдел кадров у нас сохранился тот же самый. В этом смысле подбор кадров и кадры решают все. Именно в этом смысле.

К. Почему правительственные программы кончаются крахом? Ругают прошлое, расписывают лучезарное будущее, а в светлое настоящее мы никак не попадем. Оно все время выпадает и нам не достается...

Г. Я. наших экономистов и политиков объединяет одно: завидное упорство в хождении по граблям. Правда, некоторые команды отличаются друг от друга, но только в одном: одни наступают на грабли, а другие — на тяпки. Но результаты добиваются одинакового. Кроме того, мы существуем в условиях глубокого кризиса, а экономисты и политики только и делают, что углубляют его, совершая одни и те же ошибки. Схема этих занятий такая: решается проблема, ну, для наглядности все та же — сколько будет два плюс два? Четыре?! Нет, говорят любители грабелей, мы будем считать, что семь. — Почему? — Возвращают «тяпочники». — Это же плохо! — Но раньше-то было пятнадцать! Семь же лучше пятнадцати. Будем считать — семь.

Законы экономики говорят, что пра-

вильное решение только одно — четыре. А практики спорят: что лучше — 7 или 15?

К. Бывает ли у вас что-нибудь забавное в почте?

Г. Я. Еще бы! Я получил потрясающее письмо от одного человека. Он сообщил, что придумал такой способ совершенствования нашей экономики, что, если его применить, то ее не нужно потом реформировать ровно 181 год. Он предупредил, что, если я не воспользуюсь, он продаст идею на Запад.

К. Это не чайник? Способ-то он хотя бы описал?

Г. Я. Нет, он просто сообщил, что от-

мясокомбината то мясо, которое съедают несколько собак, охраняющих мясокомбинат?

Коллега шутника, получив письмо по почте, пошел с ним к начальнику за советом. Тот ему: что вы пришли ко мне с одним письмом, не знаете, как это делается? Создайте рабочую группу, подготовьте решение, тогда и приходите. Была создана межведомственная группа, в которой представители нескольких ведомств обсуждали этот вопрос. И так все раскрутилось! Надо было видеть лица участников дискуссии на межведомственном совещании! Дело приняло такой серьезный оборот, что

**В. ЛУГОВКИН,
В. СЕМЕРЕНКО (тема).**

крыл неизвестные науке свойства материального мира. Требовал личной немедленной встречи, оплаты проживания в хорошей гостинице. А способ якобы изложит при встрече. Министерство экономики очень долго занималось этим вопросом — автор-таки приезжал в Москву. Но экономике от этого визита лучше не стало.

А однажды в наше ведомство поступило письмо, у которого была такая история. Один сотрудник Госкомстата решил подшутить над коллегой и написал ему письмо о том, что директор мясокомбината якобы официально запросил: как учитывать в объеме продукции

шутник-инициатор всей «собачьей истории» испугался и признался, что он все это затеял и выдумал. Тогда многие смеялись, правда, кроме действующих лиц и шутника.

К. Скажите, Григорий Алексеевич, кто ваши любимые писатели — из сатириков и юмористов?

Г. Я. Все зависит от настроения и предмета. Вообще, наверное, Салтыков-Щедрин. Его сатира носит для нас всеобщий, непреходящий, вечный характер. Мы у него о себе все можем узнать. Еще, конечно, Михаил Булгаков. Конечно, бессмертные Ильф и Петров. Как можно сейчас сказать лучше о многих:

«отец русской демократии», «особа, приближенная к императору»! У нас есть деятели, которые всю свою политику строят именно по этой формуле. Ясно, о ком? Он и «отец русской демократии», и «особа, приближенная...».

К. А недавнее размещение Думы частично в номерах гостиницы «Мир» чем не «геркулесовщина»? Помните, в «Золотом тельнеке»: «В роскошных номерах гостиницы «Геркулес» с ваннами и альковами гнездились начальство. В белых ваннах валялись дела, а в полутемных альковах висели диаграммы и схемы, наглядно рисовавшие структуру Дум... тьфу... «Геркулеса».

Г. Я. Вот-вот, почти один к одному. Штаб-квартиры фракций и лидеров партий тоже «гнездились» в трехместных люксах с альковами, ваннами и пуфиками. В крошечных штаб-квартирах по 3 унитаза и по 3 биде. Шикарно, но для другого дела.

К. Что забавного находите вы в той светской жизни, которую вам приходится вести, посещая приемы, презентации?

Г. Я. Ну, на презентациях я бываю нечасто и по ним небольшой спец. А самое примечательное — на все приемы, в том числе и иностранные, ходит как бы приписанная к ним публика, как правило, один и тот же круг людей, которые с жадностью разговаривают друг с другом. Такое впечатление, что мы никак не можем найти в Москве друг друга в ином месте и иным образом и не хотим устроить складчину, чтобы что-либо поставить при этом на стол и съесть. Часто гостей не интересует ни повод приема, ни тот, кто его организовал.

К. Каковы перспективы России к концу этого года? Могут ли они послужить пищей для оптимизма или это будет результат «как всегда»?

Г. Я. Нас ждет нормальная хорошая жизнь. Но не в этом году. Она давно нас ждет. Она заждалась нас.

К. Так когда же она придет?

Г. Я. Это я скажу в следующем году. А пока расскажу анекдот, который чем-то отвечает на ваш вопрос. Двое едут на машине. Впереди обрыв, пропасть. «Поворачивай!» — кричит один. «Я не могу», — отвечает другой. «Поворачивай, я тебе говорю, — еще сильнее кричит первый, — будет поздно!» «Я не могу!» — отвечает второй. «Поворачивай!» — кричит еще громче первый. — Мы уже на краю пропасти!» «Я не могу», — отвечает другой. «Почему?» — «Потому что ты за рулем!»

**Беседу вела
наш парламентский
корреспондент
Аза ПАВЛОВА.**

**УГОЛОК
УГОЛОВКИ**

**ВОКЗАЛ
НА ВЫБОР**

Среди малообеспеченных граждан встречаются удивительные оптимисты, которые даже в своем скудном существовании умеют находить весомые плюсы. Таков, например, москвич Владимир, любивший порассуждать у пивного ларька о своей неуязвимости перед лицом преступного мира. Дескать, какое счастье, что живет он в коммуналке, а из мебели у него всего лишь раскладушка, два потертых стула и огромная металлическая бочка, заменяющая ему ящик для постельного белья и обеденный стол. Зато у него не болит голова за свое барахло — воров и налетчиков

такие личности, как он, абсолютно не интересуют.

Ах, как ошибался неумиющий любитель пивка! Личностью Владимира заинтересовалась одна спаянная преступная группа, хотя и позарилась она не на универсальную бочкотару, а на приватизированные жилые метры — достояние, которое Владимир в своих уличных прикидках упускал из вида. Шайка, применив к нему пытки, потребовала оформить фиктивную продажу его комнаты, а другими словами — отдать ее бесплатно одному из преступников. Самому же Владимиру предлагалось навсегда переселиться в соседний скверик или на вокзал. Слава Богу, вокзалов в столице — на любой вкус.

И если бы милиция не оказалась на высоте и не скрутила негодяев, поводов для оптимизма у Владимира, стань он бомжем, было бы куда больше.

ОПАСНОЕ СОСЕДСТВО

Все-таки в овощном магазине легче работать, чем в банке. Нет, физически-то тяжелее — за день с этим картофелем или другими дарами полей так упахнешься, что вечером даже «видик» с очаровашкой Чаком Норрисом не воспринимается. А в моральном плане намного легче, так как не нервнируют тебя шуршащие между пальцами сумасшедшие миллионы, нет ощущения, что вместе с деньгами уплываю от тебя Канарские острова, собственная вилла во Флориде и дивизион иномарок, числом единиц рассчитанный на каждого члена семьи, не исключая грудничков.

К примеру, некто Павлов трудился некоторое время в одном из московских коммерческих банков. А потом понял, что вредная это для здоровья работенка — настоящее испытание

для человека с большими запросами. Поэтому он плюнул и уволился. А покинув денежное место, ощутил какую-то пустоту, нехватку чего-то жизненно необходимого. И дошло до Павлова, что тоска его связана с отсутствием в руках крупных сумм, несчитанных миллионов, с которыми он, похоже, зря расстался. Пошел Павлов на бывшую работу и, запугав кассира холодным оружием, забрал у нее 100 миллионов рублей и 28 тысяч долларов.

Но до Канарских островов дело не дошло — через несколько дней Павлова схватили. Теперь из островов ему светит разве что остров Невезения.

**ДУМА
ДУМАЕТ...**

ИЗ ПАРЛАМЕНТСКИХ СТЕНОГРАММ

ЗАЙЦЕВ А.Н. Уважаемый председательствующий! Справка роздана. Но справка весьма любопытная, в ней графа: имеет ли правительственные награды Андрей Иванович Войков, кандидат в руководители аппарата Госдумы.

Тут написано: в 1993 году был в Швеции, США, Канаде и Франции. Это как расценивать, как правительственные награды? (Смех в зале.)

ВИНОГРАДОВ В. В. У меня такое чисто техническое предложение. Есть такая машинка, которая позволяет регулировать уровень звукового давления по децибелам. Как только достигнут определенный уровень, она автоматически отключает микрофон. Я вне политики и предлагаю это сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Спасибо. Если мы вернемся к опыту других парламентов, то у них есть установки, которые проваливают выступающего на трибуне, есть установки, которые бьют, и так далее...

ПОЛТОРАНИН М. Н. ...И я прошу прощения за сравнение, иногда наша Дума похожа на хилого петуха, который делает одну, вторую, третью попытку прыгнуть на курицу, у него ничего не получается, но он хочет, чтобы писали, что все попытки были результативными...

СЕМАГО В. В. ...Мы рассказываем с сигареткой в руках в микрофон о том, какое, по моему или по его мнению, должно сложиться у народа мнение о Государственной Думе. Наверное, нам нужно самим прежде всего подумать о том, какой материал мы даем. У нас возник некий «инстинкт» нападения на микрофон...

ГОВОРУХИН С. С. ...Борьба с преступностью — вот идея, которая может объединить всех: исполнительную власть и законодательную, «левых» и «правых», «синих» и «зеленых», Гусмана и Марычева... (Смех в зале.)

ТРАВКИН Н. И. У нас практически все депутаты на вчерашний день уже были во фракциях — 397 человек. Я думаю, что сегодня блуждающих осталось пятеро-шестеро. Пусть блуждают. Что же тут поделаешь? У нас права человека существуют.

УСТИНОВ И. Г. Уважаемый председательствующий, уважаемые депутаты! Я бы хотел пару слов сказать. Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте. И в этом смысле я хотел бы вам напомнить то, с чего мы начали сегодня. К сожалению, мы начали сегодня с голосования руками и потом перешли к голосованию ногами.

Собственный думский корр.

Гонорар по фигурке

Однажды в школе на танцах молодой человек пригласил меня и так вот в ходе разговора спросил: «Ну что, Лариса, певицей, наверное, будешь?» Я говорю: «Конечно. Только ни в коем случае не на эстраде». Тогда у меня было представление, что самое сильное искусство — балет и опера и до эстрады я опускаться не должна.

В общем, еще с детства я тайно хотела быть актрисой (хотя, как потом выяснилось, все вокруг о моей мечте знали). И петь начала скорее всего даже раньше, чем разговаривать. Тогда же получила первый свой гонорар. Както приехал дядька из Германии, он летчиком был. Знаете, приезжали тогда все такие шикарные, в орденах, красивые и молодые. Он привез мне в подарок платьице. Восторг! Я до сих пор помню, какое: пуховое, сочетание шоколада с желтым. Облачили меня в него, поставили на стул: «Лариса, а вот теперь спой». Подумайте, уже тогда приходилось «отрабатывать». Привез платье — пой! Но деваться было некуда, гонорар-то уже на мне! Ну, я и спела из репертуара Клавдии Шульженко «Не тревожь ты себя, не тревожь...».

Сговор под столом

Это сейчас артист — профессия на уровне бизнесмена, дико уважаемая (только не такая денежная), а тогда... Родители не хотели, чтоб я была артисткой. И, чтобы «замести следы», я поступала в университет на биофак. А еще нелегально отправилась на прослушивание в ГИТИС. Переволновалась ли, простудилась ли, но именно тогда потеряла голос. Представляете, пришла петь, а разговариваю шепотом:

— Я-уме-ю-петь.

А мне завкафедрой музыкальной тоже шепотом:

— Ну-вот-когда-голос-появится, тогда-и-приходите.

Шутка ли эта возымела действие, но

Лариса ГОЛУБКИНА: «НОВАЯ ПОПЫТКА ВЫЛЕТЕТЬ ИЗ ГНЕЗДА»

лась. Выходя на сцену, боялась панически, руки-ноги невозможно было собрать. Ну вот, жду второго акта, там у меня соло, что-то такое: «По дорожке семени... что-то там, ну, «с ножками», в общем... А перед этим квартет, где я тоже пою. В ожидании выхода дрожу за кулисами, позабыв обо всем, старательно повторяю роль перед зеркалом. И вдруг осознаю, что на сцене уже поют, но, разумеется, не квартетом, а трио. Я как ненормальная лечу, и — это всегда в таких случаях бывает — дверь не открывается! Тогда я начинаю орать из-за кулис свою партию четвертым голосом, наваливаюсь на дверь, вылетаю к рампе, и полтела попадает в оркестровую яму. Конечно, на каскад я уже не выхожу.

После этого меня сняли со спектакля. А за что? Я не пила чай, не курила где-то там — я роль свою повторяла!

Победная скачка

Рязанов замучился со мной на съемочной площадке. Я свободной скачу на лошади, а в каких-то мелочах очень зажата. Могу фехтовать, но лишь тогда, когда мне самой хочется... Я упрямая от природы, и он меня перевоспитывал с большим трудом. Мужского костюма не снимала — Рязанов хотел, чтобы я привыкала к роли. А всех мужчин в моем присутствии он подговаривал вести себя более раскованно, не стесняться в выражениях, однако здесь-то

через неделю голос у меня прорезался-таки. Я снова пришла, спела «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», и мне сразу предложили подавать документы. Я говорю: «Не могу, я в университет должна поступать».

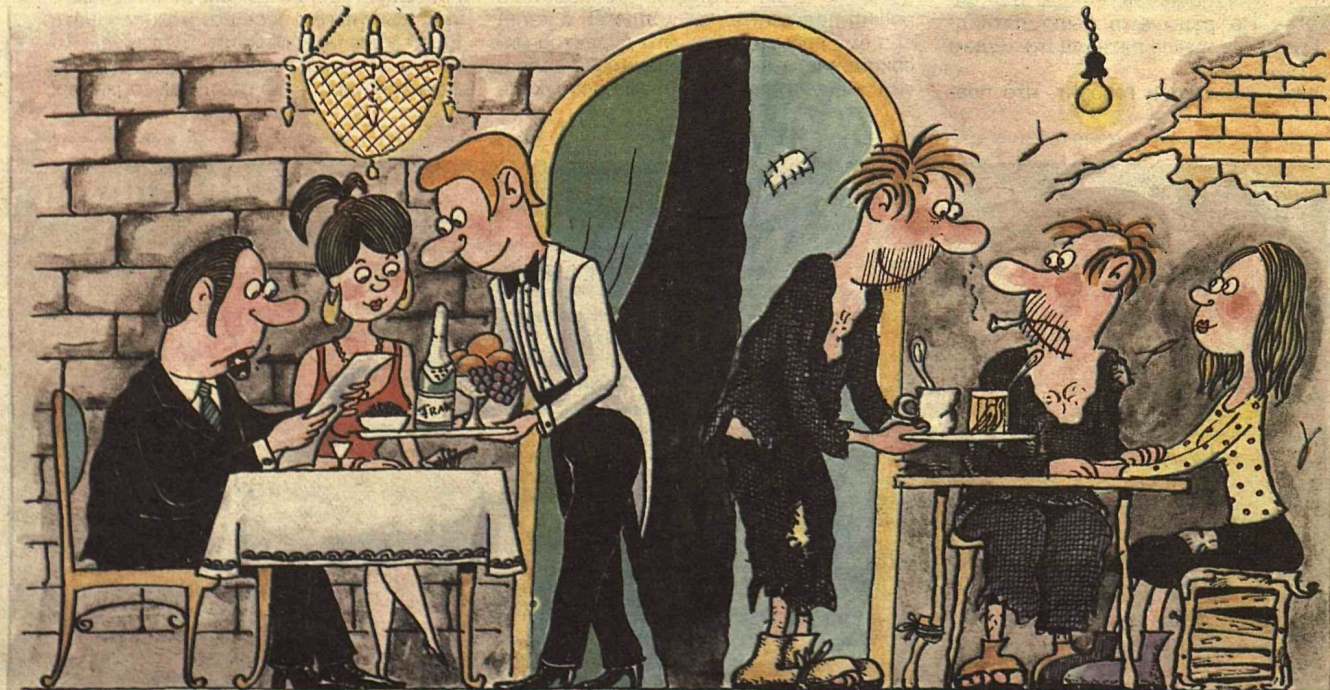
Удивленный ректор института после этих слов как-то неловко вынул руки из карманов и рассыпал мелкие деньги. Я немедленно встала на колени, начала собирать, и он тоже. И-вот там-то, под столом, собирая копейки, мы с ним и договорились о поступлении.

И так уж он после той подстольной истории ко мне проникся, что потом, стоило кому-то прийти с киностудии с вопросом: «А нет ли у вас девочки на роль?» — ректор мгновенно называл меня: «Есть! Как же нет!»

А потом снялась в «Гусарской балладе», и так все в жизни завертелось, что до сих пор не могу раскрутиться.

Без вины виноватая

Первый мой провал — в буквальном смысле — случился еще на выпускном спектакле. Мы делали оперетту Оффенбаха, и я играла такую каскадную героиню — танцевала, пела, кривля-

В. ЛУГОВКИН.

как раз случилась осечка: я к соленым словечкам так и не привыкла и довольно долго от них краснела. Уже спустя много лет шла я по ночной Москве в компании Арканова, Высоцкого, его друга Игоря Кохановского, скульптора Федора Февейского... Мы с одной квартиры «передислоцировались» на другую... Так вот, Федор измучил меня матерными частушками, и я от него бросилась бежать. А он гнался следом по спящему Садовому кольцу, будил людей в домах, а я убежала, не желая слушать.

Короче говоря, в «Гусарской балладе» долго вживалась в роль. У меня замечательный конь был, Пульман. И вот однажды зимой на тренировке Юра Белов (помните его по «Карнавалной ночи», он там электрика Гришу играл?) дал мне меховую шапку шестидесятого размера, надела я валенки, сунула ноги в стремяна, и вся группа тронулась шагом. Когда же пошли в рысь, Юра сдулиганил, чуть-чуть обогнал нас. А этот вороной Пульман был из «Спартак», он терпеть не мог, если кто-то маячил впереди. В общем, ка-ак рванул! Шапка у меня сползла на глаза, валенки из стремян выпали. На повороте я поняла, что Пульман несется в конюшню, а там двери низкие. И я сочла за благо свалиться в сугроб. Короче, тренер вне себя, мат-перемат кругом. Шоферюги какие-то на дороге: «Вы что ж смотрите, ваша девка там разбилась!» Пульман мой влетел в конюшню и сразу выглянул оттуда — ну как, мол? А так, Юру-то мы все же обогнали!

Нет, не думайте, что у нас всегда такая веселая жизнь. Нам на съемках даже молоко за вредность давали. Это когда сцену дуэли на снегу снимали, а было это в павильоне, и вместо снега всюду насыпали нафталин.

Засмоленные в бочке

Во время съемок «Сказки о царе Салтане» стояла жуткая жара. Я, например, ходила в купальнике, в царских кожаных сапогах и в короне с убором — таким платком, на который корона надевалась. Для съемок выбрали в Севастополе 33 богатыря из числа самых крепких моряков. Они во всей амуниции с удовольствием входили в море, погружались с головой, а потом должны были появляться. Но с богатырями у нас вечно получались неувязки. Все уж вроде бы готово, пора выходить, а режиссеру вдруг что-то не нравится. И он командует: «Стоп!» А что «стоп», куда «стоп», если они там под водой сидят!.. Наконец все наладили, поставили свет, пустили камеры, они выхо-

дят, и тут на горизонте возникают военные катера. Кто хохочет, кто вопит, пленка расходуетя, Птушко взывает в мегафон: «Убрать! Немедленно!» А чего «убрать», если они на краю моря и у них там свои маневры!

Нам с Олегом Видовым тоже досталось (он играл Гвидона). Изготовили для нас специальную бочку, посадили и натурально засмолили, покатали и оставили дым в качестве сказочного антуража, и по команде мы должны были выбить дно и выйти вон. Команды все нет, дым (очень вредный, кстати) стал постепенно проникать к нам в бочку. Дали команду, а дно не выбивается. На совете засмолили! Птушко кричит как резаный, я теряю сознание, Олег совсем обессилел с дном этим, дым лезет внутрь... В общем, после этой истории мы дня два вообще не снимались, в полном отпаде были.

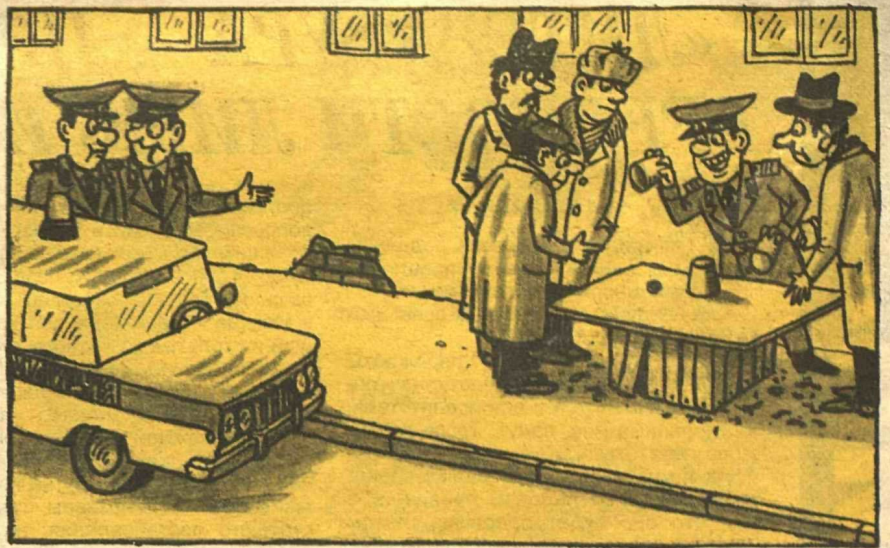
Мастиф и Голубкина

Мария Владимировна Миронова говорила, что актер — это сосуд, в который надо постоянно подливать доброту и духовность, а то из него все это испаряется. Я сейчас в себя мало «добавляю». Порой кажется, что я кокон таковой, старый, засохший кокон, и никак не могу бабочкой вылупиться! А ведь хочется вылететь! Вы бы со мной раньше, лет семь назад поговорили...

Однажды были гастроли в Саратове, мне двадцать восемь тогда исполнилось. А казалось, будто пятнадцать... И вот в гостинице меня пропустила вперед какая-то женщина, сказав: «Входи, дочка». Я присмотрелась: «Господи! Да сколько ж вам лет?» — «Тридцать». Я просто обалдела, а она мне говорит: «Так устала жить!» Мне-то казалось, что я только начинала, а эта женщина уже прожила все.

Сейчас я ушла из Театра Российской Армии — это еще одна попытка, не удовольствовавшись малым, вылететь из гнезда, выкулиться... Творческие планы обширные, но конкретизировать не хочу, чтоб не сглазить... Конечно, трудно. Но помогают неожиданные порой мелочи. Вот на днях гуляла в Жуковке. Шла такая тихая, неприметно одетая. А навстречу мужчина с собакой. Красивая собака. Я говорю: «Ой! Это какая же порода?» Он посмотрел на меня, а потом веско и совершенно серьезно ответил: «Он — мастиф. (Помолчал.) А вы — Голубкина». Ха-ха-ха! Все по полочкам разложил: он — мастиф, а я — Голубкина. И никаких вариантов.

Расспрашивал Евг. ОБУХОВ.

— Перешли на самофинансирование: на бензин зарабатываем. О. МОНАСТЫРСКИЙ, «Перец», г. Киев.

Юлий КИМ

9 МАЯ РОДИЛСЯ БУЛАТ ОКУДЖАВА

И это не случайно. Так начал бы свое юбилейное приветствие какой-нибудь бойкий писец и пошел бы с датой сопрягать круглую дату с Днем Победы. Но мы не из этих, не из бойких. Не отрицаем важной роли военной темы как в жизни, так и в творчестве поэта, но солдатом его называть язык не поворачивается. Вот друг его, Виктор Некрасов, — в нем всегда был виден офицер, как и в другом Викторе, Конечком, — моряк, а кто ж у нас Булат? А я знаю, кто.

Когда он в очках стоит на сцене, поставив ногу на стул, с гитарой на колене, и опершись на нее, читает стихотворение или что-то говорит, отвечаю, скажем, на записки, и весь он такой аккуратный, подтянутый, и вся его фигура и глуховатый голос так и дышат достоинством, внятностью и убеждением, я вижу не солдата, не писателя, не артиста, я вижу учителя. Того учителя, который не наставник, а собеседник. Его бы Чехов ужасно любил.

Как отметить такой юбилей такого человека? Прошлый раз его жена и сын замечательно придумали: с видеокамерой объездили множество знакомого народу, и каждый поприветствовал юбиляра, глядя в объектив, и Булат смотрел это трехчасовое объяснение в любви, я думаю, с праздничным чувством. Я видел фрагменты: Венья Смехов держал речь, сидя на старой сцене Таганки; два Юрия — Карякин и Давыдов — на бульварной скамейке, разместив на газете бутылку, закусь и пару стакаников; и очень понравилось, как Алла Борисовна, в золотом пиджаке, у себя дома, за белым роялем, серьезно и просто поздравила и спела про осень на стихи Беллы Ахатовны. Юбиляр-то наш — человек не очень публичный, совсем даже нет, а тут как хорошо ему устроили: встретить дату одновременно и в узком кругу, и со всеми вместе.

Теперь же, я слышал, роятся грандиозные планы. Купить троллейбус, покрасить в синий цвет, самого посадить внутрь и возить по Москве. На Арбате разжечь костры, и чтоб вокруг каждого, как за столиками, сидели знаменитые люди и пели что-нибудь из Окуджавы. На Дорогомиловском мосту стояли бы депутаты Думы из разных фракций и под общий хор брались бы за руки. И чтобы всю ночь кричали петухи и изо всех окон несло поджаристыми короч-

ками... Уверяю вас, нечто подобное планировалось самыми серьезными людьми с полным уважением к имени и без малейшего намека на издевательство.

А вот если бы мне предложили устроить чествование?

Ну, сначала, конечно, к самому: — Чего бы, сударь дорогой, пожелали вы в этот знаменательный день?

И, допустим, услышал бы в ответ: — Целиком полагаюсь на твой вкус и такт.

И тогда бы я... Тогда бы запустил я и троллейбус с кострами, и Арбат с петухами, и бумажного солдата с синим буйолом и золотой форелью, но на сцене, в Художественном проезде, чтобы песня перетекала в песню под аккомпанемент маленького оркестра и пели бы обязательно молодые актеры, а поставили бы все это мы с Фоменко. Булатова музыка так богата для красивой инструментовки в стиле Шварца, что это был бы не спектакль, а одно счастье в таком дымчато-золотистом полумраке. Чтобы Булат, не очень любящий театр (его признание), вдруг ощутил, какой необычной жизнью могут жить его песни.

Это то, что на мой вкус. А что до такта...

Я бы подсказал правительству мысль — подарить уникальному мастеру уникальную пенсию, чтобы пел, жил и ездил, куда и как захотел бы. А? Правительство! Как вам моя мысль?

ОТ КРОКОДИЛА. Мысль, безусловно, интересная. Поддерживаем! И, в свою очередь, поздравляем дорогого Булата Шалвовича, печатавшегося у нас в журнале неоднократно. Здоровья Вам, удач, вдохновения!

ТЕХНИЧЕСКАЯ КНИГА

В. МИЛЕЙКО, г. Санкт-Петербург.

«ЛИТЕРАТУРА — ПРОИЗВОДСТВО ОПАСНОЕ, РА ВРЕДНОСТИ ЛИШЬ ИЗГОТОВЛЕНИЮ СВИНЦОВЫ

IV. 1944—1958 гг.

Один из тридцати вопросов, заданных Зощенко в Ленинградском управлении НКГБ, был сформулирован так:

«Как вы думаете о своей дальнейшей жизни?»

Ответ: «Мне нужно переждать. Вскоре после войны литературная обстановка изменится и все препятствия, поставленные мне, падут. Тогда я буду снова печататься...»

Как и многие другие, Зощенко верил, что одержанная народом победа (а в том, что она будет одержана, летом 1944 года уже не сомневался никто) заставит советское руководство смягчить режим — и унизительный надзор за литературой, под которым находилась она все предвоенные и военные годы, будет снят.

И поначалу действительно к этому вроде бы все и шло. Война еще не закончилась, а его уже стали понемногу печатать: в январе 1945 года опубликовали в «Известиях», в марте выступила с его фельетоном «Комсомольская правда».

Появление имени Зощенко в московских газетах (значит, запрету конец!) возбудило в Ленинграде поистине оживленный на него спрос. Газеты и журналы стали поперебой знакомить читателей с его новыми рассказами и фельетонами, издательства и театры подписывали договоры и соглашения. В первой половине 1946 года в Лениздате и издательстве «Художественная литература» (Ленинградское отделение) вышли две книги. Режиссер В. Кажич в «блокадном» театре поставил комедии «Парусиновый портфель» и «Очень приятно». В конце июня решением Ленинградского горкома ВКП(б) вчера еще опальный писатель был введен в редколлегия журнала «Звезда».

Кто скажет, что он ошибся, предвидя скорые перемены?

И вот мало-помалу Зощенко стал забывать о горестной судьбе своей «главной книги». И крокодильская обидка уже не казалась такой болезненной и необратимой...

Победа в войне принесла Сталину и его партии не только великую славу, но и великую головную боль. Отстояв в кровавой войне Отечество и триумфально пройдя по полям Европы, вчерашние «винтики» развинтились. Униженные до стадного послушания, безликие и бессловесные, они вернулись домой людьми. Почувствовали, что тоже кой-чего стоят, и те, кто, как тогда говорилось, ковал победу, оставаясь в тылу. Ни потерянные на войне миллионы «рабочих рук», ни послевоенные разруха и голод — ничто так не заботило головы носителей высшей власти, как этот вольный дух, ворвавшийся в недавно, казалось бы, накрепко заключенное пространство страны. Надо было срочно этот вольный дух изгонять. Надо было снова загнать загулявшее стадо в довоенное стойло.

Первой акцией в этом широкомасштабном (как выяснилось в дальнейшем) мероприятии и стало постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». Закручивание идеологических гаек не случайно было решено начать именно с писателей: СССР — «самая читающая в мире страна», и кого, как не их, этих «инженеров человеческих душ», нужно было прежде всего поставить на место?

И вот тут нелишне сказать, что в «черновых набросках» к постановлению удар по ленинградским журналам не планировался. На протяжении нескольких предыдущих лет партийной критике подвергались как раз журналы столичные. Менее чем за полгода до выхода

постановления на совещании в ЦК по вопросам агитации и пропаганды перебравшийся из Смольного на Старую площадь Жданов впрямую назвал (сославшись на мнение Сталина) выходящий в Москве «Новый мир» как «самый худший из толстых журналов». Но, видимо, он переоценил свое всемогущее положение второго лица в партии и в самый последний момент «пропустил» интригу вождей московской группировки в ЦК. Лишь за два дня до заседания оргбюро ЦК ВКП(б), на котором должны были быть названы «герои» предстоящего постановления, на его стол легла подготовленная аппаратом докладная «О неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград».

Для Жданова это было как снег на голову.

На заседании оргбюро (9 августа) Сталин сказал:

«Писатели думают, что они политической не занимаются... Написал человек красиво, и все. А там есть плохие, вредные места, мысли, которые отравляют сознание молодежи... Почему я недолюбиваю людей вроде Зощенко? Потому что они пишут что-то похожее на рвотный порошок. Можем ли мы терпеть на посту руководителей людей, которые это пропускают в печать?.. У нас журнал не частное предприятие... Он не имеет права приспосабливаться к вкусу лю-

персонально на тех авторах, которые были названы Сталиным.

Вот так и стал Зощенко козлом отпущения — первым из первых глумителей «над советским бытом, советскими порядками, советскими людьми», прикрывающим «это глумление маской пустопорожней развлекательности», стал скатившимся до самой «низкой степени морального и политического падения», «хулиганом» и «подонком литературы». Жданов отыгрался на Зощенко за все: не только за прошлый бессильный свой гнев по поводу вольного его поведения в 1943 году, но и за теперешний личный промах, в результате которого ему пришлось собственноручно вершить погром в своей бывшей вотчине.

21 августа в «Правде» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». 26-го Зощенко написал письмо Сталину.

«Я никогда не был антисоветским человеком» — так оно начиналось. И далее, не вымалывая «никаких улучшений в... судьбе», а «с единственной целью облегчить свою боль», он попробовал объяснить лучшему другу сатириков свою «сатирическую позицию в литературе», суть которой — «искреннее желание принести пользу народу». «Я всегда шел с народом», — написал он, гордый причастностью к жизни миллионов своих соотечественников. — *И этого у меня никто не отнимет**.

устроиться на работу: принимали с немалым пренебрежением, чтобы сменить фамилию. Михаил Михайлович старался брать заказы в сапожной артели — вырезал из войлока стельки, но платил гроши, и в течение нескольких лет, как и в 1944 году, приходилось добывать пропитание продажей вещей.

Но не эти бытовые невзгоды более всего угнетали выброшенного из жизни писателя. Замолчал телефон, безмолвствовал звонок на двери. Недавние знакомцы и почитатели, встретив на улице, делали вид, что не замечают, а те, и вовсе с перепуганными лицами перебежали на другую сторону. И это было для Зощенко куда мучительнее и горше, чем скудная пища и изношенная одежда.

Нет, все же не все из близкого его окружения потеряли лицо. Не бросив попавшего в беду писателя В. Каверина и К. Чуковский, К. Федин и М. Шагинин, Д. Шостакович и И. Ильинский... Но даже хотя бы немного представлять себе Зощенко, чтобы понять, как трудно было этому гордому человеку чувствовать себя нищим с протянутой рукой. Всякий раз, принимая помощь, он очень нервничал и пробовал успокоить себя, говоря: «что считает, что друзья должны ему выручать, когда он попал в такую беду? должны помочь ему работать и стать на ноги, что сам он всегда всем помогал и всех выручал и ему не стыдно принять помощь от друзей, тем более что

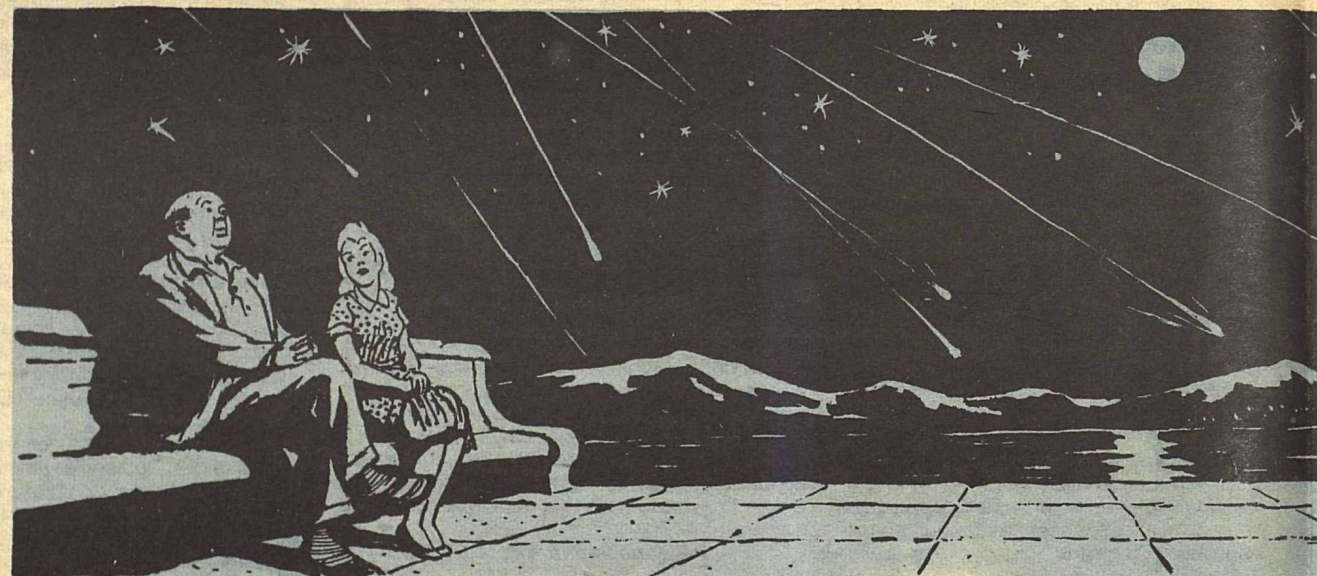

Иллюстрация И. СЕМЕНОВА к рассказу «Падающие звезды», 1953 г.

дей, которые не хотят признавать наш строй. Кто не хочет перестраиваться, например, Зощенко, пускай убирается ко всем чертям. Не нам же переделывать свои вкусы, не нам приспосабливать свои мысли и чувства к Зощенко и Ахматовой. Разве Анна Ахматова может воспитывать? Разве этот дурак, балаганный рассказчик, писака Зощенко может воспитывать?..»

Что после этих постановочных слов вождя оставалось Жданову делать? Только одно: поддержать и развить содержащиеся в сталинской речи «тезисы». Что он и сделал. Но здесь надо иметь в виду некий нюанс.

Жданов прекрасно понимал, что удар по ленинградским журналам, организованный его соперниками в сталинском окружении, — это еще и замаскированный удар по партийному руководству Ленинграда, во вчерашним его соратникам, которых он, Жданов, поднял и выпестовал, а значит, и по нему самому удар. И потому в своем «историческом» докладе (15 августа) он постарался обойти разговор о горьком, как несущем ответственность за «неудовлетворительное состояние» журналов, и сосредоточил огонь на самих журналах, а точнее —

Да, отнять у Зощенко его народ, для которого он жил и писал, ни Сталин, ни Жданов были не властны. Но они были властны отнять писателя Зощенко у народа. И его отняли. Под все нарастающее давление дня злобное улюлюканье радио и газет «пасквильант» и «пошляк» Зощенко был изгнан из Союза писателей. А значит, и из литературы. Это произошло 4 сентября 1946 года.

И потянулись дни, месяцы, годы великого морального унижения и беспросветных житейских бедствий.

Сразу же после исключения из СП у Зощенко отобрали «рабочую» карточку (800 г хлеба), а у жены как его секретаря-машинистки — «служашую» (500 г). Быстро «отреагировали» на его новое положение издательства, журналы и театры: потребовали вернуть выплаченные по договорам авансы; в случае отказа некоторые грозили судом. Семья осталась без денег, жила впроголодь. Вера Владимировна не могла

помощь эта временная, что он надеется рассчитаться со всеми долгами» (из записей В. В. Зощенко).

В той части постановления ЦК, которая касалась журнала «Звезда», было сказано: «...прекратить доступ в журналы произведений Зощенко...» Однако все было ясно, что это относится не только к «Звезде». Запрет был наложен на публикации, подписанные его именем в любом печатном издании. В минуту отчаяния Зощенко написал Жданову: «...Прошу Вас дать мне возможность работать для советского народа. Я считаю себя советским писателем, как бы меня ни бранили». Он писал, чтобы ему дали возможность работать, но другое имел в виду — возможность печататься. Ибо время, последовавшее за отлучением от литературы, несмотря на житейские тяготы, было временем, как раз упорнейшей, беспросветной работы. За три года им были написаны книга «партизанских рассказов» (полностью вышла уже после смерти писателя под названием «Никогда не забудете»); три комедии — «Здесь вам будет весело» (существует тринадцать ее вариантов, была принята Н. Акимовым в театре Комедии; постановка запр...

* Это письмо, как и другие документы, касающиеся взаимоотношений М. М. Зощенко с вождами и аппаратом сталинской тоталитарной системы, опубликовано в журнале «Исторический архив», 1992, № 1.

ВНОЕ ПО Х БЕЛИЛ».

Мих. Зощенко

цена), «Шутки в сторону», «Маленький секрет» (приняты, но постановки не осуществлены); несколько скетчей для исполнения на эстраде, а также более десяти рассказов и фельетонов.

В августе 1949 года Зощенко пишет генсеку Союза писателей А. Фадееву:

«...Все работы мои, в основном, одобрялись, правилась и в конечном счете отклонялись... С грустью вижу, что моя трехлетняя работа свелась к бессмысленному занятию и что этим я лишь напрасно отнимал время у людей и у себя...»

Четвертый год я нахожусь без работы и без заработка.

Обращаюсь к тебе, как члену ЦК, — укажи, как мне поступить, чтоб не быть лишним человеком в государстве...»

В этом письме есть и такая фраза: «Один редактор, которому я недавно послал несколько рассказов, откровенно мне написал, что лично он хочет, чтоб я сотрудничал в его журнале, но это не зависит от него».

Этим редактором был Д. Г. Беляев. Он только что возглавил «Крокодил» и, видимо, надеясь на свои связи (до того работал в ЦК), действительно предложил Зощенко «принять участие в работе» и даже дал специальное задание: «создать положительный жанр в комическом фельетоне».

никакое другое периодическое издание 50-х годов так и не рискнуло предоставить загнанному в угол писателю свою площадь... Хотя нет, одна попытка все же была. Рискнул «Огонек». Но пришло письмо от читателя, возмущенного, что «клеветник» и «литературный пройдоха» опять «поднимает хвост», и на новые подвиги «Огонек» уже не решился (известно, что подобные бдительные читатели писали письма в двух экземплярах, второй — в ЦК).

Впрочем, далеко не все, что выходило из-под пера Зощенко, печатал и «Крокодил». Но здесь была другая причина. Грустно признать, однако годы травли, унижительной нищеты и вынужденного молчания сделали свое дело: того Зощенко, которого знали все — от рядового колхозника до академика, — больше не существовало. В него глубоко и прочно вселилась мысль, что виной всех его бед и несчастий оказалась способность писать смешно. И вот, садясь за очередной «крокодильский» рассказ или фельетон, движением которого, естественно, должен был править смех, он именно с ним, со смехом, боролся, всячески его выжимая, вытравляя из текста. Слово кому-то назло он изгонял из себя свой великий дар. Терял приобретенную многолетним трудом высочайшую квалификацию.

Известен случай, рассказанный эстрадным артистом О. Гусаровым, которого Зощенко попросил посмотреть «свежим глазом» два написанных для «Крокодила» рассказа:

«...Рассказы я прочитал и откровенно сказал:

- Знаете, Михаил Михайлович, это не смешно и, извиняюсь, не интересно.
- Да? Это уже хорошо!
- Вот, может быть, в этом рассказе есть две-три фразы, по-зощенковски более или менее смешные, — попробовал я смягчить свою бестактность.
- Где? — стремительно спросил он. — Надо срочно вычеркнуть.
- И безжалостно, красным карандашом, он перечеркнул их...»

Да, «Крокодил» взял на себя благородную миссию — вернуть писателю веру в его силу и предназначение, помочь быстрее сориентироваться на новом для него повороте, а заодно и подкормить. Но это не означало, что, следуя лучшим своим побуждениям, журнал был готов печатать любую и каждую его вещь, лишь бы подпись стояла — Мих. Зощенко. В 1950 году после публикации «Страшной мести» все остальные его рассказы либо возвращались назад — на доработку, либо, как это было ни жалко, вообще браковались.

Зощенко нервничал. Не лучше чувствовали себя и «крокодилы». И тут дельная мысль пришла заведующему иностранным отделом В. Круглову — он предложил попробовать Зощенко в фельетоне на международную тему. Этот жанр Михаилу Михайловичу был незнаком, далек от его интересов. Но что ему оставалось делать?

Поначалу, казалось, все складывается хорошо: в первых двух номерах за 1951 год журнал напечатал его фельетоны — «Затемнение в Сан-Диего» и «Иудушка». Зощенко воодушевился, и после публикации следующего фельетона, «Джентльменские нравы», в письме к Круглову появляется победная строчка: «Еще год, и я, вероятно, смогу быть политическим фельетонистом!» Но уже в очередном письме его настроение резко меняется: «Нет, кажется, мне не быть политическим фельетонистом!»

Чтение писем к В. Круглову — горькое чтение. Когда-то гордый, уверенный в себе мастер, Зощенко предстает в этих письмах жалким просителем, согласным

на любое вмешательство в его текст. Лишь в редких случаях он выражает робкое недовольство тем, в каком виде появляется его труд на страницах журнала:

«Две недели болел и поэтому задержался с фельетоном на ту американскую тему (о нарциссах), которую Вы мне дали. Сейчас поправляюсь... Так что будьте милостивы, не отдавайте мой материал другому автору».

«Посылаю два маленьких фельетона по Вашему материалу. Надеюсь, что они подойдут журналу. Если же не подойдут, то сообщите мне — в чем «промашка»... Если потребуются поправки, то, конечно, редакция может это сделать. Но только (просьба) не так сильно, как это было сделано с моим фельетоном «Бархатный занавес». Там я просто не узнал своего фельетона — весь стиль изменился. Что касается мелочей, то я прошу редакцию всякий раз поправлять меня, если это нужно».

«Очень благодарен Вам за Ваше сердитое письмецо. Вполне заслужил Ваш справедливый гнев и Ваши едкие слова. Несомненно, я виноват в том, что неточно обработал присланный Вами материал и тем самым доставил лишние хлопоты Вам и редакции... Отныне буду самым внимательным и усердным работником. И если пришлете материал — сделаю с блеском и остроумием».

Это письмо было отправлено в апреле 1952 года. Но уже в мае, видимо, окончательно признав свое поражение на «международной арене», Зощенко пишет письмо, в которое вкладывает всю обиду, скопившуюся за время работы на иностранном отдел... Да, фельетониста-международника из него не вышло. Но это не значит, что с ним, старым писателем, которому по грустной превратности судьбы приходится сегодня пробавляться поденщиной (за это «Крокодилу», конечно, спасибо), можно разговаривать, как с нерадивым начинающим автором. Вот строчки из этого последнего письма:

«...Я был в отъезде и только сейчас получил Ваше письмецо — резкое и не совсем справедливое».

Не понимаю, почему Вы меня браните? Прежде всего нет ничего критического в том, что в двух моих фельетонах оказались две почти одинаковые фразы («... а любопытно было бы знать...»). Ну и что из того? Да хоть в каждом фельетоне я могу повторить эту фразу, если найдется соответствующее место. От этого однообразия не произойдет, так как меняется ситуация. Тут единого правила нет. И Вы напрасно указываете мне на этот стилистический «непорядок».

Что касается вопросов политики, то тут я согласен с Вами. Несомненно, знания мои в этом деле недо-

статочны. Но я не собирался стать целиком политическим фельетонистом. Напротив, дело это для меня новое и трудное. И тут нельзя сразу требовать высшей квалификации и непогрешимости. Я брал у Вас материал для того, чтобы поучиться этому делу. Но я рассчитывал, что, хотя бы на первых порах, Вы отнесетесь более терпеливо к моим опытам.

Вы пишете, что мои пустые фельетоны с трафаретными концовками не радуют Ваш отдел. Ну, стало быть, я взял работу не по своим силам. И, конечно, Вашему отделу я более не стану докучать...»

Прощаюсь с Вашим отделом... Как пишет сын В. Круглова — Л. Круглов, опубликовавший письмо Зощенко к его отцу («Искусство Ленинграда», 1990, № 4), «это письмо повергло отца в отчаяние». Было отчего!.. С открытой душой он ринулся поддержать обиженного властью человека, и — на тебе: не сдержал характер, сорвался. Сам его, бедолагу, обидел! В длинном письме В. Круглов постарался заглядеть вину Зощенко его извинения принял, и какое-то время их переписка еще продолжалась. Но, как говорится, поезд уже ушел. Подписанные Зощенко политические фельетоны в «Крокодиле» больше не появлялись.

Зато наладилось дело с материалами на внутренние темы. Этим делом лично занялся сменивший Беляева на редакторском посту поэт-сатирик С. А. Швецов. За 1952—1953 годы «Крокодил» напечатал более десяти рассказов и фельетонов Зощенко, а весной 1954 года главный редактор попросил Михаила Михайловича собрать книжку из прошедших через журнал публикаций. Писатель уже забыл, когда его издавали. И понятно, что ждать себя не заставил.

«Дорогой Сергей Александрович! Посылаю книжку рассказов и фельетонов для библиотеки «Крокодила». Стода не воили фельетоны на зарубежную тему — они никак не монтируются с нашей тематикой. Из таких заграничных фельетонов подберу особую книжечку и в дальнейшем (если будет пожелание) подошлю ее.

Сборник же, который я посылаю, получился как будто бы неплохой. Буду надеяться, что Вы одобрите...»

Письмо было датировано 22 мая. А 28-го в «Ленинградской правде» появился отчет о писательском собрании, где, в частности, говорилось: «До сих пор не сделал выводов из постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» М. Зощенко. Факты последнего времени свидетельствуют, что М. Зощенко скрывал свое истинное отношение к этому постановлению и продолжает отстаивать свою гнилую позицию».

С этого дня газеты и радио начали безжалостную порку писателя, вновь вытаскивая на свет ярлыки образца 1946 года. О включении книжки в «Библиотеку Крокодила» теперь и заикаться не

Конечно, находясь в ином положении и получив подобное задание, Зощенко просто пожал бы плечами: бред какой-то. Но это было первое за последние годы предложение! К тому же ему в голову не могло прийти, что редактор столь ответственного печатного органа приглашает его к сотрудничеству, не имея на то указания свыше. И он буквально набросился на работу, написав за полтора месяца с десяток фельетонов. Три из них были отосланы в «Крокодил».

И вот тут Беляев признался, что сделал заказ «от себя». Что, получив рассказы, обращался «наверх», но разрешения пока не получил. Однако надежды увидеть на крокодильских страницах фамилию Зощенко не терял.

Д. Беляев кометой мелькнул в биографии «Крокодила», но след свой оставил. Неизвестно, что он предпринял и через кого действовал, но его старания увенчались-таки появлением имени Зощенко на страницах журнала: в июне 1950 года был напечатан рассказ «Страшная месть».

С этого момента Зощенко, можно сказать, вновь становится постоянным автором «Крокодила». И это при том, что

стоило. Как, впрочем, и о дальнейшем участии Зощенко в работе журнала.

Умер Жданов, снесли в мавзолей Сталина. Но дело, затеянное ими против неугодного писателя, продолжало жить. На сей раз он «проштрафился» тем, что на встрече с английскими студентами, когда ему был задан вопрос о его отношении к ждановскому докладу, ответил, что с обвинениями в свой адрес как не был согласен тогда, так и сейчас. И этого было достаточно, чтобы устроить «второй тур» (слова Ахматовой) оголтелой травли и без того затравленного, больного, старого человека.

В июле 1955 года Зощенко писал Чуковскому: «Вот уже год, как журналы не печатают меня. Издательства отказывают даже в самой малой работе (переводы, правка рукописей — что я всегда выполнял в хорошем качестве).

Если добавить, что такому же азиатскому наказанию я подвергался в течение 5 лет (с 46-го г. по 50-й), то картина получается неприглядная.

Главное, у меня преступлений-то нет, а есть (по-моему) естественное поведение человека, который возражает, когда его бранят. Но, возможно, я устарел и потерял способность ориентироваться на сложных путях нашей жизни. Выходит, неплохо долго жить!»

Последние годы жизни Зощенко — особая страница его биографии. Она вошла в историю нашей литературы как пример великой подлости и бездушия социальной системы, сработанной коммунистами Ленина — Сталина:

— летом 1955 года Зощенко отправляет в журнал «Октябрь» договорные десять рассказов под общим названием «Что меня больше всего поразило» — рассказы подписываются к печати, но затем отклоняются;

— в том же году по предложению «Ленфильма» Зощенко пишет сценарий «Пять ошибок», получает одобрение и уже начинает работать с редактором — на этом все и заканчивается;

— выходит переведенная Зощенко книга финского писателя М. Лассила «За спичками» — фамилия переводчика не указывается;

— видимо, понимая, что «в одиночку» ему не дадут пробиться, Зощенко пишет две пьесы в соавторстве с И. Груздевым, пьесу — в соавторстве с В. Лифшицем, — но и этот номер у него не проходит;

— А. Райкин принимает к постановке зощенковский скетч «Доброе утро» — в программах и на афишах вместо фамилии автора ставят... три звездочки;

— в Ленинграде расклеивают афиши, возвещающие о выступлении артиста Г. Сорокина с чтением рассказов М. Зощенко, — поступает распоряжение афиши снять...

Измученный беспрестанной борьбой за существование и реабилитацию своего имени, Зощенко хочет теперь только одного: чтобы его больше не трогали, чтобы забыли о нем. Он устал. Он хочет спокойно дожить свой век. Единственное, что еще волнует его, — это пенсия, срок назначения которой давно истек. По свидетельству Веры Владимировны, почти все его разговоры начинаются «с темы о пенсии» и кончаются ею. Об этом говорят и его последние письма старым товарищам. Каверин, Чуковский и другие писатели, принявшие на себя заботу о Зощенко, пишут во все инстанции, однако поданные три года назад бумаги продолжают гулять по коридорам и этажам многочисленных канцелярий.

«С грустью подумал, — пишет Зощенко в своем последнем письме к Чуковскому, — что какая, в сущности, у меня была дрянная жизнь, ежели даже предстоящая малая пенсия кажется мне радостным событием».

Первый и единственный раз Зощенко получил пенсионное содержание только в июле 1958 года — за две недели до смерти.

Ю. ТОМАШЕВСКИЙ.

Константин МЕЛИХАН

ПОГРЕБАЛЬНАЯ СОСНА

Рассказ

«Привыкли руки к топорам».

Из песни.

Дядька мой был лесорубом. Лес он рубил в основном сосновый. Сосны были разные: кедровые, маньчжурские, погребальные.

Особо замечу о последней. Погребальная сосна — это не шутка, а действительно такая сосна. Растет она медленно и печально. Потому, наверно, та-

кая маленькая и с такой плотной древесиной. То есть настолько плотной, что корабль, построенный из этой сосны, сразу идет на дно. И там на дне с ним ничего не делается. Он веками лежит как новенький. Вот такое замечательное дерево!

Но еще лучше из погребальной сосны строить гробы. Покойник в таком гробу очень хорошо себя чувствует. И очень хорошо сохраняется. Даже лучше, чем живой. Дядька говорил, что

один покойник у них в таком гробу вообще ожил.

А порядки у лесорубов были такие. Полмесяца работаешь, а полмесяца пропиваешь то, что заработал.

Если не можешь пить полмесяца, то пьешь весь месяц.

А поскольку к концу месяца уже непонятно, на что пить, то пьешь уже непонятно что.

Когда лесорубу нужно было куда-нибудь съездить, он выходил на просеку и махал бутылкой водки пролетающему в небесах вертолету. Вертолет прерывал государственный рейс и за бутылку летел туда, куда нужно было лесорубу.

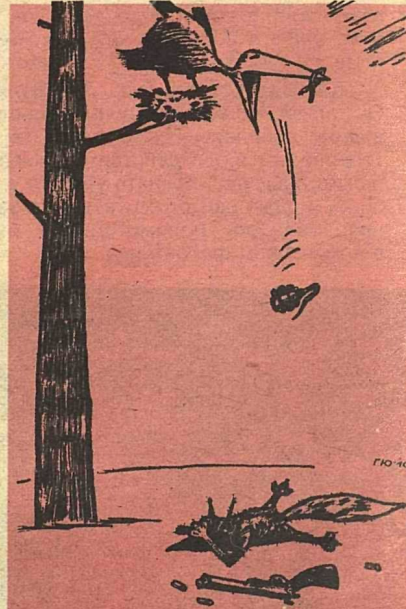
Ростом лесорубы уступали только дереву, кожа их напоминала его кору, правду они рубили слепча, а речь их была, как сосновый деготь. Достаточно сказать, что слово «дерьмо» лесорубы не употребляли: оно считалось у них слишком мягким.

Как-то, рассказывал дядька, японцы купили у нас разрешение на вырубку одного гектара уссурийской тайги.

Японский лесоруб — это такой круп-

В. ЛУГОВКИН. Г. ЖИВУЦКИЙ, «Чаян», г. Казань.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Владимир ДАГУРОВ

ЧЕРНЫЙ СПИСОК

Виктора Платоновича Некрасова мне ни разу в жизни увидеть не довелось. Но странное дело: глядя на его редкие фотографии, я живо представляю его жесты, его походку, его большие выразительные ладони — в движении, именно в движении, будто в самом деле общался с ним днями и годами и теперь рассматриваю не фотографию, а просто случайный стоп-кадр подробного фильма о нем. А читал с детства. У отца была книга «В окопах Сталинграда» 1947 года издания. Я ее прочитал одним залпом от корки до корки и был потрясен отцовским подвигом — это была книга о нем, сталинградце армии Чуикова.

Публикации Виктора Некрасова были редким событием, но всегда событием. Я не пропускал ни одной, и он «обаял» меня озорной открытостью и изществом прозрачного слога. Была в нем обворожительная гармония улыбки, ума и свободы. Тайна художника. Сокровенный тембр голоса. Жест артиста. Точный прицел солдата.

И все-таки однажды мы с ним пообщались. Было это в апреле семидесятого года. Я пришел работать в «Литературную газету» в отдел публикаций: печатал стихи и прозу на 7-й странице «ЛГ». Помнится, составил я список авторов,

кому бы хотел предложить опубликоваться в газете. И одним из первых стояло имя Виктора Некрасова. Я набрал по коду Киев и услышал в трубке глуховатый баритон:

— Простите, кто это?

— Вас беспокоит редактор отдела публикаций «Литературной газеты».

— Да как вас звать-то...

Я представился и тут же изложил свою просьбу:

— Виктор Платонович, мы бы хотели опубликовать что-нибудь ваше. Может быть, рассказ, или кусок из повести, или эссе... Все что угодно...

В ответ я услышал ласковые интонации в голосе:

— Милый человек, повтори-ка снова, как тебя величают... Ты, наверно, недавно в газете? Вот теперь оно все ясно стало... Ну, ты меня позабыл! Прямо с утречка настроение поднял. Сегодня всем друзьям буду рассказывать, что родная газета вспомнила... Ну вот что, Володька, сходи к Чаковскому и скажи, что я обещал рассказ прислать в ближайший номер. Больше ничего не говори, но внимательно запоминай выражение лица у него. А потом мне перезвони и расскажи, что он сказал в ответ, причем слово в слово, договорились? Ну, чудеса...

Идти к Чаковскому мне не пришлось. Тут же в отделе сотрудники объяснили мне, какую я кашу заварил. Оказывается, в последнее время у Виктора Платоновича в Киеве случился большой неприятности: никто ничего конкретно не знал, но уверяли, что им заинтересовалась Лубянка и числит его

в «диссидентах». Поэтому он попал в «черный список», имеющийся у всех главных редакторов, в том числе, понятно, и у Чаковского. Ясное дело, ни о какой публикации в «Литературной газете» не может быть и речи.

Тут же я позвонил в Киев и сказал Некрасову:

— Да вы, Виктор Платонович, в Киеве лучше чуеете обстановку в «Литературке», чем я в редакционном кабинете. Как говорил Шекспир, «Много шума — и ничего...»

— Все равно, Володька, мне было приятно, что ты позвонил... Не слушай, что говорят обо мне, — все это чушь собачья, а лучше почитай самого старого вояку...

Помню, я испытал чувство омерзительного стыда, когда трубка легла на рычаг. Я был воспитан по-уральски, недавно приехал в Москву и тут же получил наглядный урок закулисной литературной политики.

Мой шеф Георгий Гулия, просмотрев список авторов, к кому я намеревался обратиться с просьбой, нарочито испуганно вытаращил глаза и прошептал:

— Я двадцать лет работаю в газете, но, кажется, пришел мой последний год...

Взяв ручку, он стал вычеркивать каждого второго из моего перечня, а затем скомкал его и выбросил в урну со словами:

— Завтра получишь мой список!

...Следующей публикации Виктора Платоновича Некрасова в «Литературной газете» надо было ждать восемнадцать лет.

ный японский мужик, похожий на небольшого русского мальчика после желтухи.

Японский лесоруб — весь в белом комбинезоне, в белых перчатках и, что самое смешное, в каске.

Работает он, не вылезая из кабины, под звуки японского же джаза.

Кстати, дядька рассказывал, у них там один друг залез к этому японцу в кабину и попросил у него политического убежища. В связи с тяжелым материальным положением.

Японец тут же, не отходя от кабины, связался с японским консульством, и этот друг довольно быстро уехал в Страну восходящего солнца, отсидев предварительно солидный срок в одном из лагерей Страны заходящего солнца.

В Японии его спросили, кем бы он хотел стать. А поскольку он был водителем первого класса и только на тракторе отпахал тридцать лет, причем на одном и том же, то он сказал, что хотел бы стать трактористом.

Ну, выдали ему трактор, он быстро нашел кабину, залез в нее, но не знает,

с чего начать, как сдвинуться хотя бы одним колесом. Говорит: «Нет ли у вас, японский городской, другого трактора? Чтоб без этой электронной чепухи». Ну, дали ему другой трактор, более старый, он опять говорит: «А нет ли у вас совсем старого? Чтоб с ручным переключением скоростей и чтоб рычаги изоляцией были обмотаны. И чтоб без экранов и кнопок. Я, — говорит, — водитель первого класса. Руками все могу, пальцами — нет». Они говорят: «Есть один сякой трактор. Доисторический. Но он музей. Потомуся много-много денег ситит. Давайте, — говорят, — мы вам лусе дадим хоросий-хоросий пенсия и отправим на заслуженный одых».

Ну а тот японский лесоруб, рассказывал дядька, сидит в своей лесорубной машине весь в белом, как японский бог, и ни черта не делает: только на кнопки жмет.

А машина его, значит, к нашему дереву подползает, и выдвигаются из нее две такие железные лапы: одна берет дерево у самого корня, а другая — у самой кроны. Потом выдвигается пила,

и — вжик! — дерево спилено. Но пока стоит и не падает, куда Бог послал, разгоняя во все стороны лесорубов.

И что еще смешно — в процессе пиления выдвинулась из машины дополнительная хреновина с полиэтиленовым пакетом. Все опилки туда ссыпались, а она пакет тут же заклеила и этикеточку налепила.

Потом выдвигается другая хреновина и срезает все ветки. За ней опять-таки идет пакет, но уже здоровенный, все ветки туда ссыпались, пакет заклеивается, этикетка присобачивается.

Но самое смешное — это пень. Он получается такой низкий, что на него даже не присесть. Даже японскому лесорубу.

Но и при всем при этом вылезают из машины такие руки-крюки — цап этот пень! — корни изрубили — и тоже в пакет. И тоже этикеточку.

Но и это не все. Этот многорукий дракон закапывает после себя, как воспитанная кошка, ямку и втыкает туда нежный саженец.

Я спросил у дядьки: — А что, этот японец все делал

в пакеты?

— Все, — сказал дядька. — Все продукты своей жизнедеятельности — в пакет с бирочкой. Ничего после себя на нашей земле не оставил.

Единственное, что он оставил, — это машину в подарок. Ну, мужиков наших разобрал: «А все ли эта тварь распилить может?»

Оказалось, не все. На первом же ржавом рельсе она себе зубы и обломала. То есть японская техника — ничто супротив русской смекалки!

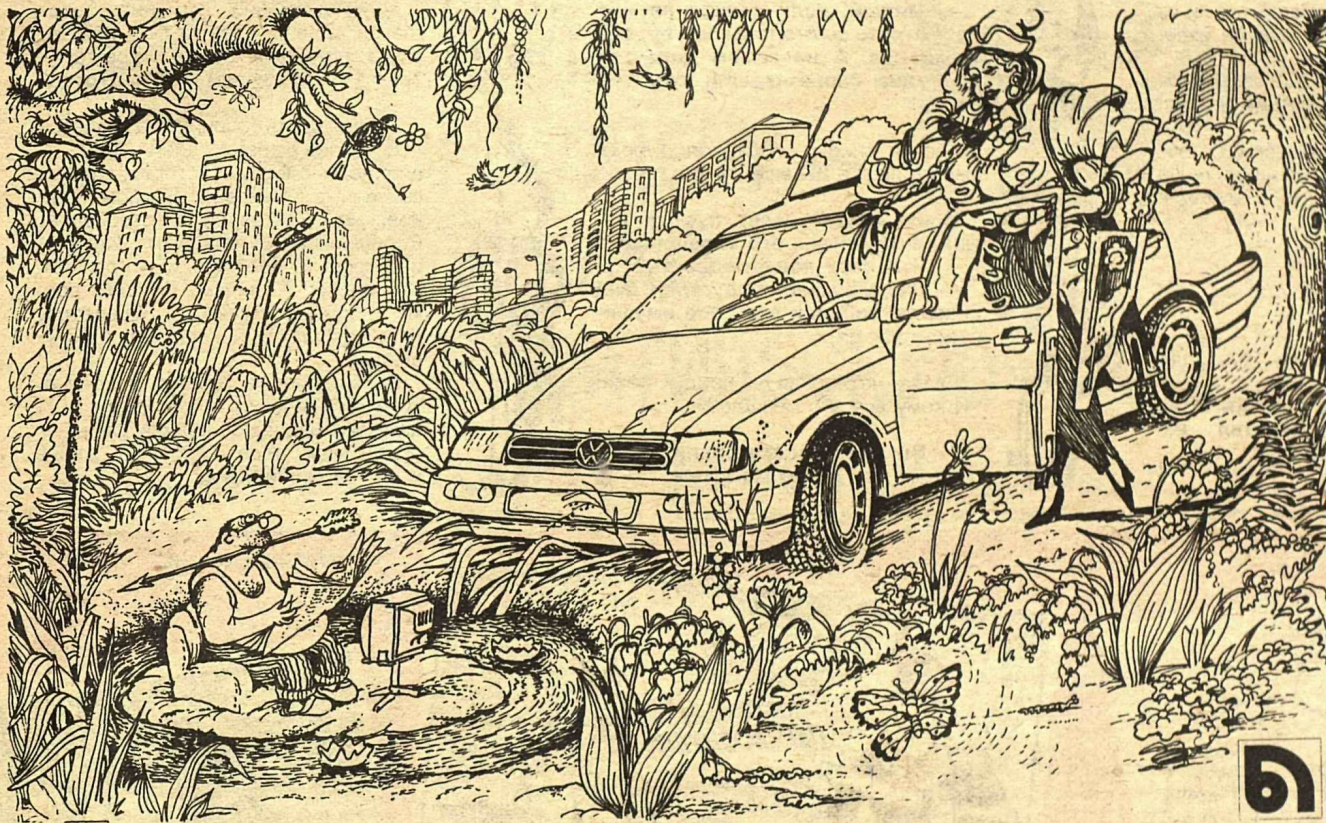
И потом мужики наши работу свою любят: на кой им из-за этой восточной змеюки лишиться труда и зарплаты! Что ж это за железный товарищ, который заменяет труд ста человек, а пьет только бензин?!

А то, что поезд чуть не перевернулся, так это опять же из-за нее. Она же тот рельс все-таки прогрызла до половины!

Все мы вышли из леса, говорил дядька.

Умер он от давления. Его бревном придавило.

г. Санкт-Петербург.

П. КУЛИНИЧ, г. Сочи.

Х. АХТЯМОВ, «Хэнэк», г. Уфа.

СВЯТОЙ ЧАС ОБЕДА

— Скажите, пожалуйста, место свободно?

— Свободно.

Сажусь и только тут, оказавшись лицом к лицу с пожилым седым человеком, узнаю Алексея Арбузова. Мы знакомы, и я поначалу чувствую себя неловко: хотел драматург побыть один, спокойно пообедать, все это понимают — никто не осмелился сесть рядом, а я вот с нахальной непринужденностью подхожу к его столу и сажусь напротив.

В ресторане ЦДЛ полно свободных мест, но уже неудобно пересаживаться, тем более что подошел официант и принес Арбузову бутылку пива.

Заказав обед, я сижу молча, не обращая внимания на соседа. Он тоже невозмутимо молчит, только аппетитно чавкает и заливает пивом.

Вскоре подошел кто-то еще и спросил, свободно ли место — еще одно кресло было не занято. Арбузов тотчас отреагировал:

— Нет, занято.

Я про себя усмехнулся, но он каким-то образом это почувствовал и, в упор взглянув на меня, пояснил:

— Сейчас жена подойдет.

И вправду через минуту подошла к столу энергичная интересная женщина

и сразу стала выкладывать ему все новости сегодняшнего дня.

Арбузов продолжал методично жевать и лишь в такт ее словам покачивал седой красивой головой и вилок, что-то неопределенное мыча при этом. Настроение у него было вполне благодушное, хотя новости на него обрушивались одна другой хуже.

— Леша, утром приходили из конторы и сказали, что наш забор будут ломать и ставить новый...

— Угу, угу, угу... — Чувствовалось, что ему это до лампочки.

— На той неделе будут отключать газ, потому что перекопают улицу — трубы собираются менять, что ли...

— Угу, угу, угу... — Арбузов невеселым.

— Звонили из Министерства культуры, сказали, что поездка в ФРГ отменяется или откладывается — я не поняла...

— Угу, угу, угу... — И даже улыбается.

— Звонил кто-то, просил передать, что разрешения на «Жесткие игры» пока нет.

— Угу, угу, угу... — По безмятежному выражению лица нетрудно догадаться, что он уже в курсе или другого не ждал. Жена налила из бутылки себе в стакан пива и уже поднесла было к губам, как вдруг заметивший это Арбузов моментально побавровел от ярости, громко хлопнул ладонью о край стола и выпалил:

— Сколько раз тебе можно говорить — не бери мое пиво!

ИМЯ ПОЭТА

16 ноября 1989 года писатель Николай Елисеич Шундик вел в Союзе писателей совет по литературам Северного Кавказа. Подготовил это мероприятие консультант СП РСФСР Альберт Вологжанин, в кабинете которого оно и происходило. Собравшиеся обсуждали творчество карачаевского поэта Турклиева, тоже Альберта. Первым выступил Лев Ошанин, прочитав в конце стихотворение, посвященное Альберту Турклиеву. Битых два часа то и дело слышалось: «Альберт...», «Дорогой Альберт...», «Талантливый поэт Альберт...», «Джигит Альберт...» — когда речь шла о поэте Турклиеве, и тут же «Альберт...», «Дорогой Альберт...», «Благодаря Альберту...» — когда ораторы обращались к консультанту Вологжанину. И все шло хорошо, даже гладко до тех пор, пока не появился запоздавший Эдуард Балашов — поэт и редактор издательства «Советский писатель».

Шундик, увидев входящего, сказал: — Ну вот, наконец и Михаил Балашов появился!

— Я не Михаил, а Эдуард, — поправил тот председателя.

— Извини, пожалуйста, — ответил Шундик, осознав свою оплошность. —

Ну, так вернемся к нашему разговору... Кто еще хочет сказать слово о поэте Эдуарде Турклиеве?

Все заулыбались:

— Он не Эдуард, а Альберт...

— Ну, да-да, извини, пожалуйста, — замахал руками Шундик.

К тому времени уже все высказались. — Можно я скажу? — спросил Балашов.

— Конечно, можно. Итак, слово предоставляется Альберту Балашову.

Все опять загомонили:

— Он не Альберт, а Эдуард!

— Ах, да-да, ну, не обижайся на меня, просто оговорился, — оправдывался Шундик, но все почувствовали, что он устал и в голове полный кавардак.

Когда Балашов закончил свою речь, председательствующий встал и поблагодарил его:

— Молодец, Альберт, что затронул такую важную тему...

Присутствующие расхохотались. Шундик заметно разволновался.

— Я согласен на Михаила, — покорно сказал Балашов.

Теперь председательствующий должен был дать слово обсуждавшемуся поэту, и все почувствовали, что Шундик не уверен, как зовут Турклиева — Эдуард или Альберт. Тем временем он уже начал фразу:

— В заключение послушаем самого виновника торжества, поэта... — Тут он сделал паузу, беспомощно глядя на Турклиева. Затем сообразил, обернулся к Вологжанину и с яростью спросил:

— Как тебя зовут?

— Альберт! — ответил тот.

— Слово предоставляется Эдуарду Турклиеву!

Бедный Турклиев скорчил плачевную гримасу:

— Да Альберт я! Альберт! Три часа меня хвалите, а в итоге имени лишили. — что может быть хуже для поэта?!

Как вы думаете: если мужчина в полном расцвете сил пишет литературоведческие статьи, пародии и фельетоны, выпускает книги, читает лекции, выступает в концертах с веселыми байками, знает миллион уморительных анекдотов, имеет молодую очаровательную жену и сына-старшеклассника — сколько ему лет? Сорок? Пятьдесят? А-а, вот и не угадали. Потому что мы речь ведем о Зиновии Паперном, докторе филологии, давнем друге «Крокодила».

А ему только что стукнуло 75. На вопрос редакции, как ему удалось сохранить бодрость духа и тела, Зиновий Самойлович ответил вопросом же: «А как не быть молодым, имея сына-старшеклассника, очаровательную жену, зная миллион анекдотов... читая... выступая... выпуская... и пиша?»

Что тут скажешь? Поздравляем, желаем и печатаем кусочки из новой книги юбиляра.

Зиновий ПАПЕРНЫЙ

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

В суде.
— Какие основания у вас, чтобы требовать развода?
— Мой муж ведет двойную жизнь. И обе — не со мной...

Итак, анекдот. Я всю жизнь собирал анекдоты и не так давно подготовил довольно объемистую книгу анекдотов — она выходит в свет в ближайшие месяцы. Издает компания «Виста». Пользуюсь случаем выразить ей благодарность — работает она удивительно точно. За все время нашего сотрудничества компания ни разу не нарушила своих обязательств и добродушно простила мне, если я с чем-нибудь опаздывал. Уже одно это в наши дни — невероятно.

Книга называется «Несмотря ни на что!». Эпиграф — мое давнее изречение:
— Да здравствует все то, благодаря чему мы несмотря ни на что!

Первая часть начинается с главы: «Ты бы хотела быть мужчиной?» На этот вопрос, вынесенный в заглавие, «она» отвечает «ему»:
— А ты?

Вторая глава: «Ваш случай обогатит медицину».

Приходит к доктору молодая женщина:
— Жить не могу, доктор. И не хочу. Депрессия. Хочется наложить на себя руки...

— Понимаю. Вам нужен мужчина.
— О, Господи, мне это не пришло в голову. Спасибо, доктор! Она убегает, входит молодой человек.
— Доктор, не могу жить. Хочется наложить на себя руки. Депрессия...

— Ясно. Вам нужна женщина. Кстати, только что от меня ушла... Догоните ее... Мой совет — лучше наложите руки на нее, чем на себя.

Тот догоняет ее, они без слов кидаются друг другу в объятия. Она ведет его к себе. Все дальнейшее предоставляю воображению читателя.

Она:
— Милый, если сейчас на нас посмотреть со стороны, мы просто трахаемся. А на самом деле мы проходим серьезнейший курс лечения!

Третья глава — бытовая: «Люди уже гуляют, а мы еще только идем».

Идет мужик, несет пустые бутылки. Приятель его спрашивает:
— Что, тару пошел сдавать?
— Да не, с женой поругался. Она сказала: забирай все свое имущество и уходи.

Глава четвертая — продуктовая: «И кому все это мешало?»

— Вы где колбасу брали?
— Да вон в том магазине.

— А народу много?
— Никого. Даже продавца нет.

Есть и такие главы: «Гоги, какого цвета у тебя машина?», «Тише, увертюра!», «Большому кораблю — большое кораблекрушение» и «Плыви, плыви отсюда, зеленая образина!». Это — в книге. А в журнале, где места мало, еще хотя бы один пример:

Международный конкурс на лучшего танцора. Ведущий объявляет призы:

— Третья премия — автомобиль «мерседес-бенц»!

Аплодисменты.
— Вторая — торт, испеченный руками самой королевы!

Занявший второе место громко возмущается:

— То есть как это? Третья премия «мерседес-бенц», а вторая какой-то торт?!

— Да, но руками самой королевы!

— Тра-та-та я вашу королеву.
— А это первая премия!

Когда я рассказал этот анекдот на записи «Вокруг смеха», ведущий А. Арканов заметил:

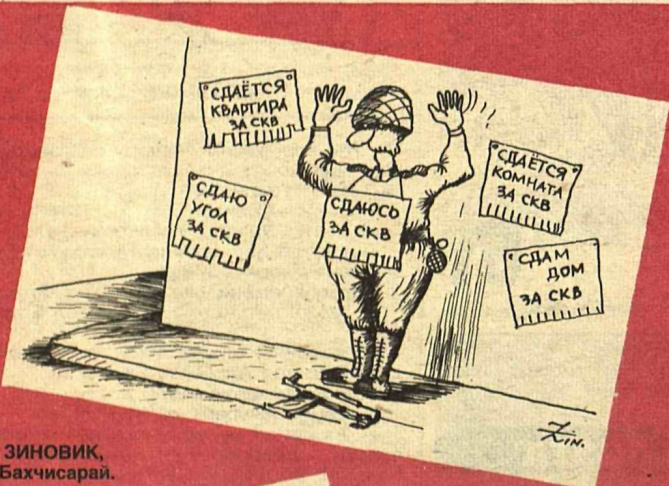
— Неправильно заменять этот глагол словом «тра-та-та». Как же тогда понимать стихи: «Тра-та-та! Тра-та-та! Мы везем с собой кота»?

Вторая часть сборника называется «От Чехова до наших дней». Здесь — анекдоты, смешные истории, случаи, связанные с Чеховым, Блоком, Маяковским, Цветаевой, Пастернаком, Волошиным, Булгаковым, Ильфом и Петровым, Светловым, Чуковским, Утесовым, Галичем. Наше время представлено З. Гердтом, Л. Либединской, Г. Гориним, А. Кышесвым.

В заключение хочется искренне, хотя и утопически, пожелать счастья каждому человеку, каждой семье — пусть муж ведет двойную жизнь и обе со своей женой!

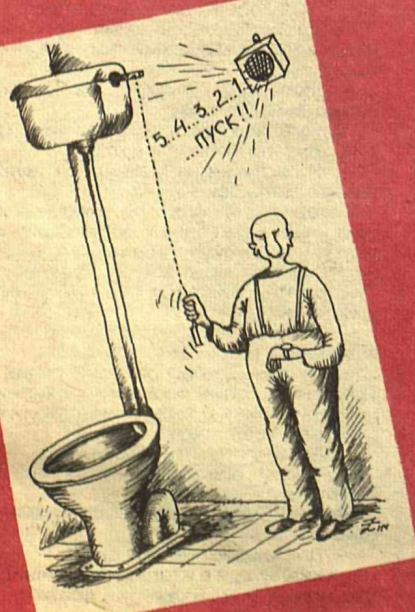
И. ЛЕВИТИН, г. Самара.

В. ЗИНОВИК, г. Бахчисарай.

НА КОНКУРС «ЕЩЕ СМЕЕМСЯ»

Г. ЕВТУХОВ, г. Севастополь.

«БАШ НА БАШ»

В прошлый раз мы рассказали о двойном похищении людей. Одна

преступная группа, похитив президента коммерческого предприятия, потребовала от его семьи 5 тысяч долларов. В ответ братья похищенного, выйдя на след главаря банды, захватили его тестя. Был произведен странный обмен: освободив президента, бандиты получили не только тестя, кстати, тоже коммерсанта, но и запрашиваемые 5 тысяч долларов. Спрашивалось: почему братья президента пошли на столь неравноценный обмен?

Ответ прост. Тестя братья захватили не пустого, а с необходимой для выкупа суммой.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Юлий Соломонович, ваша фамилия мелькала в титрах художественных фильмов, на афишах театральных спектаклей. Еще чаще встречаешь вас «живьем» на экране телевизора в качестве члена жюри киноконкурсов или КВН, директора Дома кино, а в последнее время и на трибуне Госдумы. Кто же вы, доктор Гусман?

Ю. ГУСМАН. Так сразу и не скажешь. В моей жизни было несколько событий, которые круто ее меняли. Причем новый род деятельности не отменял предыдущую. Разве что более других во мне пострадал врач. Хотя, как сказать, я ведь — психиатр, а жизнь-то наша сумасшедшая... Я окончил Азербайджанский медицинский институт и аспирантуру. С пути истинного в науку меня сбил... КВН. Я был капитаном команды сборной Баку, и, если кто помнит, с 1967 по 1972 год наша команда не проиграла ни одного состязания. Тогда КВН смотрели так же истоиво, как позднее — заседания съездов и сессий Верховного Совета.

К. Верно, есть что-то общее?

Ю. Г. Скорее всего.

К. Вы практиковали как врач-психиатр?

Ю. Г. Не успел. Братья Ибрагимбековы, замечательные писатели, глядя на подвиги команды и ее капитана, решили, что мне на роду написано быть кинорежиссером. Они оказались провидцами. После окончания Высших режиссерских курсов я действительно стал снимать художественные фильмы. Снял семь. Больше не успел, так как увлекся театральной режиссурой. Я даже получал приглашения ставить спектакли в США, Японии, Китае... Занимался телевизионными программами, шоу.

К. Ваши художественные успехи, явно КВНской закваски, как-то были отмечены?

Ю. Г. Я — заслуженный деятель искусств Азербайджана и России. Хотя главным своим достижением считаю участие в создании для кинематографистов нашего отечественного Оскара — премии Ники.

Но мы отвлеклись, а я должен сказать, что меня сбили с пути истинного, теперь уже в искусстве. Кинодраматург Виктор Мережко увидел меня директором Дома кино. Но не такого дома, который является просто кинотеатром, а культурным, интеллектуальным и даже политическим центром столицы. Мережко был председателем правления Дома кино и за свою идею бился до тех пор, пока на секретариате Союза кинематографистов меня не избрали директором. Вместе с Виктором и правлением мы сделали Дом кино тем, что он сейчас есть, в том числе и политическим центром. А у меня началась новая линия жизни, которая вывела теперь уже на политическую стезю.

На ней было два пика. Первый — в июле 1989 года. Мне позвонили от Ельцина и попросили предоставить помещение для проведения совещания межрегиональной депутатской группы. Выяснилось, что больше в Москве для нее нет места. А это, кстати, почти три сотни депутатов. Лето. Дом кино на ремонте. Что делать? Я отзываю из отпусков аппарат и рабочих и спрашиваю: готовы ли они быстро и бесплатно пора-

ботать для демократии? Все согласились. Дом привели в порядок, совещание состоялось. В память об этом у меня на стене в кабинете висит благодарственное письмо Ельцина за № 01.

Этот шаг повлек следующие такие же. У нас в Доме с тех пор проводилось множество съездов и совещаний демократической ориентации.

Такого же толка был и второй пик моего вхождения в политическую жизнь. В марте 1991 года в Москве проходила самая крупная демократическая демонстрация. Властями были выведены на улицу войска. Я сидел у себя в кабинете и смотрел по телевизору сессию Верховного Совета СССР. Вдруг я узнаю из выступления А. И. Лукьянова, что к нему приехал министр Б. Пуго и информировал: в Доме кино

Юлий ГУСМАН:

«Я ОПЯТЬ ПОПАЛ НА СЦЕНУ — ТОЛЬКО ПОЛИТИЧЕСКУЮ»

дателя комитета по вопросам геополитики.

К. Раз уж вы прибились к лагерю политиков, разделяете ли вы мнение некоторых из них, что политика — грязное дело? Зачем вам, интеллигенту, творческому работнику, было менять свои творческие орала на политические мечи?

Ю. Г. Мы все так или иначе вовлечены в политику. Я считаю, что деятели культуры должны не только петь и плясать во имя демократии, но и уметь ее защищать.

Я заметил странную вещь: депутаты в жизни и у микрофона — разные люди.

Им кажется, что изложение политической позиции требует экстремальной лексики, стиля «наезда». Я хочу верить, что и Жириновский в домашних тапоч-

засели две группы террористов по 300 человек каждая с оружием, спецнаряжением и при спецавтомобилях. Я буквально ошалел, выскакиваю из кабинета и вижу, как две старушки мирно моют пол в фойе, а в зале Союза кинематографистов идет пресс-конференция. Я вышел к ним и говорю: «Так и так, господа террористы, где ваше снаряжение, оружие и автомобили?» Участники конференции помчались в Верховный Совет, а я предпринял некую акцию. Я попросил своего зама, полковника запаса Пименова Виталия Александровича, удостовериться, есть ли в доме террористы, и выдать на сей счет справку. Он ее и написал: «На Ваш запрос сообщают: никаких террористов при осмотре дома не обнаружено». С этой бумагой я был на следующий день у редактора «Аргументов и фактов» Старкова, и он данный «факт», а также «аргумент» опубликовал. Против фактов, как известно, не попрешь, и на том эта история для Дома кино и ведомства Пуго закончилась. А для меня нет.

С гордостью говорю, что был одним из тех, кто основывал избирательный блок «Выбор России». Потом, как мог, помогал команде Гайдара на выборах и по списку блока был избран депутатом Госдумы, а затем — заместителем предсе-

дах — другой человек. Наверное, сказываются издержки воспитания насилием. Ведь вся память у нас на генетическом уровне связана со смертью, павшими, кровью: революция, войны, коллективизация.

Вообще в нашей великой стране происходят довольно странные вещи, какая-то бесовщина. Опереточная монархия, ряженные дворяне и казаки. На телеэкране — экстрасенсы, астрологи, ясновидящие. Они есть во всех странах, но это удел желтой прессы, а не государственного ТВ. А наша реклама, а раскрутка ничтожной поп-музыки с утра до ночи?

Прыжок из сауны в холодную воду очень опасен для ослабленного организма. А мы совершаем прыжок из коммунистического вчера в рыночное сегодня без идеологии и концепции развития. Это опасный прыжок. Словом, я понял, что попал опять на сцену, только теперь политическую, где ставятся политические шоу, вместо того чтобы принимать законы.

К. Если бы вы сейчас были капитаном команды КВН, кого из политиков и экономистов вы бы взяли в команду, чтобы выиграть?

Ю. Г. Я взял бы, если бы они, конечно, согласились, Гайдара, Бурбулиса

и Явлинского. Гайдар — человек фантастического, быстрого ума. Бурбулис думает медленно, но когда продумывает все до конца, то говорит значимые, концептуальные вещи. Очень яркий и остроумный человек Григорий Явлинский. Мне он очень симпатичен. Острога ума и с юмором Андрей Макаров и Константин Затулин.

К. А не припомните ли вы забавный случай из вашей другой, киношной, жизни?

Ю. Г. В моем фильме «Не бойся, я с тобой» был важный эпизод — горный обвал преграждает дорогу героям фильма. Я знал, что в таких съемках бывают накладки, поэтому заранее собрал чуть ли не весь динамит Азербайджана, чуть ли не все детонаторы в стране. Пробырили полгоры шурфами. Жители соседнего села по сигналу ракеты должны были на всякий случай оставаться дома.

И вот наступил день «икс». Командую: «Внимание! Начали! Ракета!» Пошла ракета, заработали камеры. Раздался взрыв... Такой «п-ш-и-к», как будто, да простит меня читатель, пукнул проходивший мимо ишак. С горы упало три камешка... Для комедии было бы даже здорово, но мы снимали вестерн.

К. А наиболее яркие воспоминания из жизни КВН?

Ю. Г. Это конкурс капитанов в 1968 году. Мой противник — Андрей Меньшиков (капитан команды МИСИ). Мне удалось победить.

Первое задание гласило: «Тонет корабль — ваши действия?» Я обращаюсь к Андрею Меньшикову:

Ты пишешь диплом, имеешь детей

И тьму кавээнских заслуг.

Позволь тебе уступить, Андрей,

Место в шлюпке и круг.

...А мне не страшна никакая беда — С меня, как с Гусмана, вода.

Ну а один из самых известных трюков в истории КВН связан с моими усами. Я отрачивал их еще с девятого класса. Нам было известно, что они-то и будут главной темой шуток. Я вышел на сцену и, обращаясь к противникам, сказал:

Усы теперь — лишь тема для пародий, сезон открыт — усытые не в моде.

И если из всей кавээнской красоты

запомнился я лишь усами,

то вот вам, товарищи, мои усы,

и пробуйте шутить сами.

С этими словами я снял... накладные усы (собственные предусмотрительно сбрил). Противники попадали, в зале тоже. Виктория!

К. Мы начали с вами с «раннего» Гусмана, им и закольцовываем нашу беседу?

Ю. Г. Это резонно. Я очень предан КВН, отношусь к нему серьезно. Это верный путь к дружбе и братству. Ведь недаром в нашем Клубе играют команды России, Украины, Еревана, Баку, Тбилиси. И замечательно понимают друг друга.

А сегодня Клуб Александра Маслякова объединяет уже Германию, Америку, Израиль. Очередь за Канадой и Австралией.

Вот пример для политиков!

Беседу вела наш парламентский корреспондент Аза ПАВЛОВА.

ИМЕННОЙ ПИСТОЛЕТ

Сейчас в уголовном мире модны разборки. Газеты пишут о них охотно, зная, что читатель в первую очередь обращает внимание на сообщения, от которых мороз по коже. И в самом деле, кому ж не интересно, когда с одной стороны — три трупа, с другой — пять, а на изрешеченных иномарках можно вермишель отбрасывать. По-нашему это, по-деловому, в духе раннего дикарского рынка: расстреляли все обоймы, подобрали

раненых, хлопнули дверцами и умчались в разных направлениях...

В последнее время в кровавых разборках наметилась любопытная и загадочная тенденция — оставшиеся в живых участники пальбы взяли за моду швырять оружие на месте побоища. На свадьбах, значит, бьют об пол опорожненные бокалы, чтоб жизнь у молодых сложилась безоблачно, а тут бросают на землю автоматы и пистолеты. То же как бы на счастье, чтоб в следующий раз побольше соперников уложить.

Только после одной из таких крова-

вых разборок счастье привалило милиции: по брошенному пистолету удалось выйти на его владельца. Оружие оказалось именным, подарочным, а владелец его был отставным майором. И снятые с него отпечатки пальцев полностью совпали с отпечатками на пистолете. Представ перед следователем, майор утверждал, что ни о каких разборках слыхом не слыхивал.

Возникает естественный вопрос: каким же тогда образом пистолет майора с его, и только его, отпечатками пальцев оказался на месте разборки?

Логика: если вначале было слово, то Адам появился после Евы.

Флориан БОДНАР, г. Черновцы.

ПОСОБАЧИМСЯ?

СОСТЯЗАНИЕ

Василий Тихонович давно подозревал своего эрдельтерьера Джоя в неуважении к хозяину — как-то уж очень на равных держался пес. Надо было срочно поставить его на место, чтобы понял: уровень развития человека не в пример выше собачьего.

Но как ему внушить? Бежать наперегонки — конечно же, пес будет первым. Чутье, зрение, слух — во всем Василий Тихонович явно проигрывал.

Тогда он придумал конкурс: кто быстрее съест миску овсяной каши. Василий Тихонович действовал честно, на одинаковых условиях. Поэтому он отверг ложку и привычное место за столом. Поставив миски на пол, он оттащил Джоя на полметра

и стал рядом с ним на четвереньки.

По команде: «Фас!» — они оба кинулись к мискам и, чавкая, стали спешно уничтожать содержимое.

Джой закончил первым, с отрывом на восемь секунд. Это было поражение. Сидя на полу рядом с пустыми мисками, Василий Тихонович уныло молчал.

— Ладно! — сказал наконец он. — Хорошо! Пусть ты физически меня обгоняешь, но не это главное, пойми! Главное в духовности. Я умнее тебя, и в этом мое основное преимущество! И не спорь!

Эрдель не спорил. Он посмотрел на миски, перевел взгляд на вымазанную овсянкой физиономию хозяина и только вздохнул.

И. РАЗМЫСЛОВ, г. Яхрома.

Популярная радиопередача «С добрым утром!» познакомила слушателей с крокодильской рубрикой «Пособачимся?» и презентовала от своего стола нашему столу свежий собачий анекдот. С благодарностью его публикуем.

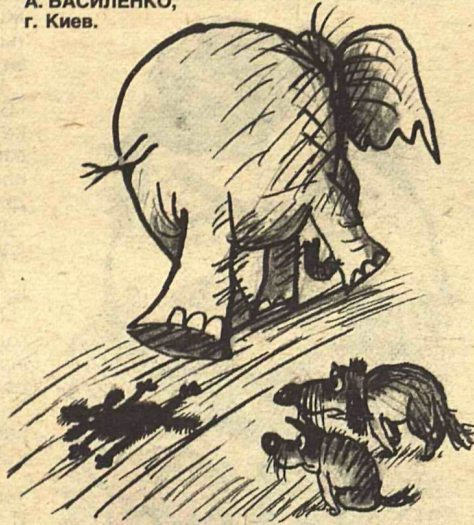
На премьере спектакля зрители обратили внимание на большого ризеншнауцера, сидевшего в партере рядом с хозяйкой. Ризеншнауцер внимательно следил за действием, одобрительно кивал и даже аплодировал.

В антракте зрители окружили собаку хозяйку:

— Это поразительно! Ваш пес так живо, увлеченно реагирует на спектакль!

— Я и сама не могу понять, в чем дело. Ведь он предварительно читал пьесу, и она ему совершенно не понравилась!

А. ВАСИЛЕНКО, г. Киев.

— Моська так мечтала о твердой лапе...

ШАРИКИ

Бежит собака по пустыне:

— Если сейчас не найду деревце — уписаюсь!

Мужик ловит рыбу, рядом с ним сидит собака. Вдруг из кустов выходит корова и говорит:

— Мужик, дай рыбки!

Тот, онемевший от удивления, дает, и корова уходит. Мужик, придя в себя, произносит:

— Говорящая корова!.. А ты, Жучка, хоть бы гавкнула!

— Да я сама офонарела! — отвечает собака.

Прислала Ю. СТОЛИЦЫНА, п. Вой-Вож, Республика Коми.

— Сынок, хочешь приобрести се-стренку?

— Нет, мама. И папа будет против. Помнишь, как он кричал, когда я принес домой щенка?

— Ваша собака подпускает к себе чужих?

— Конечно. А иначе как бы она смогла их кусать?

Прислала Л. ПЫПА, г. Йошкар-Ола.

А. КУЗНЕЦОВ, г. Ишимбай.

Вл. МИТИН

ПЛИ!

ЧТО ЕЩЕ ОТЧЕБУЧАТ «НОВЫЕ РУССКИЕ»?

Эх, чересчур мы охочи до зубоскальства над родным гнездом, слишком обклеиваем его язвительными ярлыками. Спросите, например, французского мыслителя, рантье от философии абсурда, в какой стране он живет. И он ответит: во Франции. Точка. А далее — абзац.

Уже много позже эры Зоценко мы, как бы застенчиво гордясь, заявляли, что живем в стране дураков. Затем пошло круче. Пустились в ход дефиниции, очевидно, родившиеся в результате скороспелого знакомства с тем же тлетворным влиянием чуждой философии. Ась? Где, спрашиваешь, милоч, живем? В зазеркалье, миляга... А один мой знакомый из хорошей, заметь, старинной дворянской семьи и вовсе утверждает, что мы обитаем в... заабсурдые!

Это же надо? Лично я считаю, что все сие — пустопорожнее умствование. И когда мне задают вопрос насчет страны моего обитания, я отвечаю четко: живу в России. Конечно, существуют нюансы. Страна эта столь масштабна, что в ней многие действия (противодействия тоже) приобретают характер как бы эпический, а подчас просто необъяснимый. Даже с позиций диа-

мата, канувшего в идеологическую Лету.

Так, недавно в нашей прессе напечаталась заметочка, не вызвавшая особого общественного резонанса. Вот ее суть. Директор только что налаженного производства приговорил своего нерадивого сотрудника к расстрелу.

Шуточка?

Не-ет-с, милые дамы и господа. Не так оно просто. Директор издал приказ по всей форме. Такого-то за то-то и то-то — расстрелять. Из газового пистолета. Приговор привести в исполнение на рассвете. В приказе равно означена фамилия «исполнителя» (палача) и место казни — хоздвор... Ай да административная грация! Где там философам абсурда... А сколько пищи для размышлений тревожного ума! Допустим: потребовал ли казнимый «Дымок» или «Мальборо», было ли обеспечено присутствие доктора и священника?

Увы, концы этой эскапады стертые более головоломными общенациональными событиями. И на их фоне средства массовой информации не выпуклили следующий эпизод российской жизни.

Руководитель буквально намеренно ставшего на ноги СП отказался не от «вольво». Не от «роллс-ройса». Даже не от «феррари»! Он отверг услуги автомобиля вообще. Гонцы, посланные за рубеж, привезли своему обожаемому боссу... паланкин. Драгоценное изделие из черного дерева, орнаментированное жемчужными драконами и орлами.

Паланкин (а это нечто вроде передвижной воздушной беседки) несут на

своих плечах наиболее мускулистые работники СП. Несомый клевретами босс совершает таким макаром все свои городские вылазки. Утверждают, что данное средство передвижения кинематографично смотрится у парадных дверей бывших директивных органов. Камю? Кафка? Хейдеггер?..

Не поймите превратно. Отдавая должное мощи ихних умов, задумаемся над вопросиком: смогли ли бы тамошние титаны душеведения вникнуть в ассоциативную мысленную вязь нашенького человека? В хоровод его необъятных грез и подспудных фантазий? В то, что он еще отчебучит, причем сделает это наверняка?..

С вашего позволения, еще примерчик. Ковры, меха, один в салоне я. Княжна нежна, ах... Да не оперетта это. Не волшебный Имре Кальман. Хотя ковры и прочие предметы роскоши налицо... Но плюс к ним в коттедже начинающего, но уже очень деловитого предпринимателя есть также огромный бассейн. У кого их теперь нет, говорите? Есть-то, они, может, и есть. Да только описываемый создан с весьма непростым целевым назначением. В нем полагается не плавать, а именно тонуть.

Посреди акватория — часть суши, со всех сторон омываемая водами. Остров. В него воткнуто древко с указателем: «Русь». В сени на троне владылец хором. Так сказать, «государь-анпиратор». Он разглядывает в лорнет морские бои, регулярно проводимые в бассейне силами друзей и сподвижников. Гангут! Трра-фальгар! Под гром бутфорских пушек сшибаются искусно выполненные по

спецзаказу мини-фрегаты с мини-каравеллами. Подчас кто-либо тонет. Не до смерти, слава Богу. Просто изображает утонувшего. Если, по мнению «анпиратора», муки страдальца достаточно натуральны, последний получает из государевых рук добрую чарку водки «Распутин»... помните? «Я — Рразпутин ис Германия»...

Таким вот манером. Могут спросить: почему не указаны фамилии, даты. То да се. Мы считаем, что надобности в этом никакой нету. В университет марксизма уже никого не пошлешь. Живем-то где? Это уже уточнялось. Адресовано же данное эссе не западным философам. Не для дальнейших рассуждений относительно загадочной русской души, ейной непостижимости...

А, напротив, адресовано оно тем самым удачливым бизнесменам, которым мы настоятельно рекомендуем не пущать первые же честно заработанные деньги на ветер, но усердно вкладывать их в расширение производства. К чему такой аскетизм, спросят нас. Какой отклик в сердце пылкого купчины найдет возведенный им унылый флагман пусть и весьма полезной индустрии? Сейчас популярно объясняем. Так прибылей же будет больше! И хозяину хорошо, и людям — от потребления воспитательной продукции. Но ежели и этим мятежный дух не уgomонит, советуем послать в магазин за баночкой горчицы и ею, по старой трактирной традиции, вымазать ликующие физиономии прихлебателей. А подвернется под руку половой — и его горчицей! Не без того-с! Дешевле выйдет.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Алексей ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья БУХАЛЁВА (ответственный секретарь),

Борис ЕФИМОВ, Лидия ЖЕСТКОВА, Михаил КАЗОВСКИЙ,

Владислав ПОБЕДНОСЦЕВ (зам. главного редактора),

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ, Святослав СПАССКИЙ (главный художник).

КРОКОДИЛ

Журнал сатиры и юмора

№ 6 (2762) ИЮНЬ 1994

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил»

ЧЕМ НЕ АЛЯСКА?

Н. и Г. КОЗЛОВЫ, г. Москва.

А. КЛИМОВ.

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

ЛЮДИ-ЛОШАДИ

В 1914 году известный журналист Влас Дорошевич рассказал на страницах «Русского слова» о том, как одна газета имела недоразумение с цензурой по поводу мелкой спортивной заметки.

«Было набрано:

Лошадь «Урядник», от «Патриарха» и «Кокетки».

— Разве можно такие вещи печатать?!»

Редактора спасло только то, что лошадь принадлежала влиятельному лицу.

ОБИДЕТЬ МОНАРХА КАЖДЫЙ МОЖЕТ...

Кружевные воротники-жернова были существенной статьей расходов английского короля Карла II Стюарта. Когда монарх обратился к парламенту с просьбой выделить ему средства на приобретение нового кружевного воротника, то после непродолжительных дебатов коронованному щеголю было в этом отказано и рекомендовано починить старый.

ЧТО БЫ ЭТО ЗНАЧИЛО?

Николай Асеев, вспоминая свое детство, рассказывал, что его бабушка, бывшая в свое время крепостной, когда кто-нибудь чихал, говорила: «Салфет вашей милости!» На это нужно было отвечать: «Красота вашей чести». Этот «салфет» долго мучил Асеева своей непонятностью. Спрашивал у бабушки, что это значило: салфетку, что ли, нужно подавать чихавшему? Нет, отвечала бабушка, это так, деликатность. И только значительно подросши, Асеев разгадал, что этот таинственный «салфет» произошел от латинского «сальве» — «приветствую».

Раскопали москвичи А. БЕЙЛИН и В. СУРМИЛО.

ЯН ПОЛИЩУК КАК АТМОСФЕРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Ян Полищук возлежал на тахте и, добродушно улыбаясь в черные усы, подбрасывал в общий литкотел метафоры типа: «Розы успеха растут в крапиве неудач». Борис Привалов расхаживал по комнате и вслух вязал сюжетные петли, Борис Егоров сидел за столом и высокохудожественно переносил на бумагу плоды коллективной мысли. Вот так, на троих, создавался сатирический роман «Не проходите мимо», принесший поименованной тройце немалую славу в середине 50-х годов.

После восьмой совместной книги литколхоз распался, и одинокий старатель Ян Полищук сочинил еще с дюжину книг, таких же остроумных и добрых, как их автор.

Он поработал во многих редакциях, но, естественно, засел всерьез и надолго в «Крокодиле». Здесь он написал десятки фельетонов и довел до кондиции сотни чужих — по долгу службы.

Ян был атмосферным явлением. Он создавал в редакции атмосферу доброжелательности, интеллигентности и юмора. Когда он, крупный, почти громоздкий, с неповторимыми модуляциями хриплого боцманского рыка входил в рабочий кабинет, сразу вокруг становилось весело и уютно. Нимб литературной эрудиции витал над его лысеющим обширным челом. Казалось, он знал на память всю мировую юмористическую классику. Если на редакционном ареопаге несправедливо клевали фельетон его подопечного, Ян укоризненно басыл, цитируя любимого Жюлья Ренара: «Голубчик, не надо выдавать свое дурное настроение за хороший вкус». Персонаж одного из фельетонов Полищука, музыкант, умолял кого-то: «Ради Баха!» И мы, грешные, прося у Яна десятку до полочки, лукаво присовокупляли: «Ради Баха!» Автор каламбура таял на глазах и лез в бумажник...

Фронтовик, уцелевший под свинцовыми ливнями войны, он смаковал радости мирной жизни. Рокочущий его бас переходил из форте в пианиссимо и обратно, когда он восхищался изуми-и-ительнейшей книгой тала-антливейшего автора, потряса-а-ающей красоты актрисой, а то и совершенно фантастической бастурмой с божественным «саперави», имевшим место вчера в ресторане ЦДЛ. И от восторга даже вздымал руки. Человек для жизни...

Он пережил своих соавторов — Егорова и Привалова, но вот и его, семидесятилетнего, — догнала безносая с косой. Случилось это в самый канун первого апреля. Юморист...

Он лежал в гробу и добродушно улыбался в седые с черными усы. Почти как тогда, на тахте, сорок лет назад, только вот метафор уже не подбрасывал.

...Прощай, дружище Ян!

КРОКОДИЛЬЦЫ.

WIT of the WORLD

ПАКАЛНИС,
Литва.

ВОТ ЭТО ДА!

МЕЛОМАНАМ — н/п:

ИСТОРИЯ РОКА — 4500 р.;

CD — от 15 000 р.;

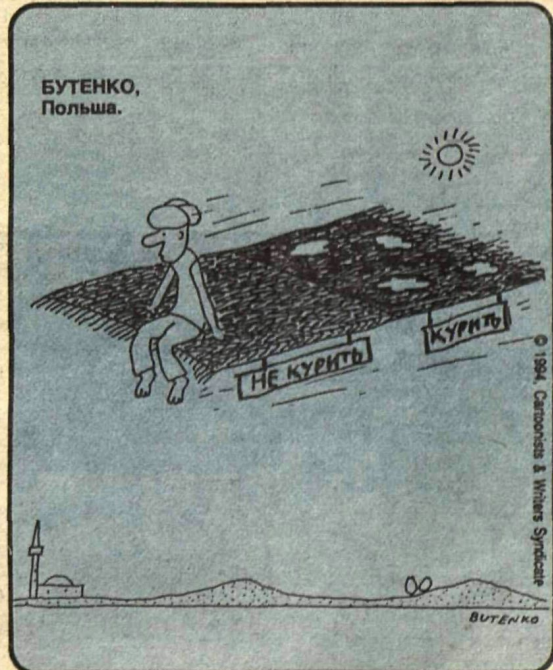
CD-АППАРАТУРА;

600 адресов СНГ

«ЗВУКОЗАПИСЬ —
ПОЧТОЙ» — 4000 р.

141300, Сергиев Посад-12, а/я 23,
ЧУРЛЯЕВУ А. И.

Тел. отдела рекламы: 257-37-69.

БУТЕНКО,
Польша.

© 1994, Cartoons & Wit's Syndicate
BUTENKO

Художественный редактор Диана МАЗУР.

В оформлении номера участвовал
В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ.

Редакция знакомится со всей поступающей почтой и ведет переписку по мере необходимости. Присланные литературные и изобразительные материалы не рецензируются. Рукописи меньше 2 авторских листов не возвра-

щаются. Перепечатка из «Крокодила» допускается только со ссылкой на журнал и с разрешения редакции.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

фельетонов — 250-46-68, литературы — 250-16-63,

художественного — 250-09-70, распространения — 257-35-47.

Приемная — 257-31-14.

Сдано в набор 21.04.94. Подписано к печати 28.04.94.
Формат бумаги 70 x 108%. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 11,20. Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 228 600 экз. Зак. № 1416.
В розницу цена договорная.

Журнал зарегистрирован Министерством печати
и массовой информации России.
Свидетельство № 01535.

Типография издательства «Пресса», 125865, ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

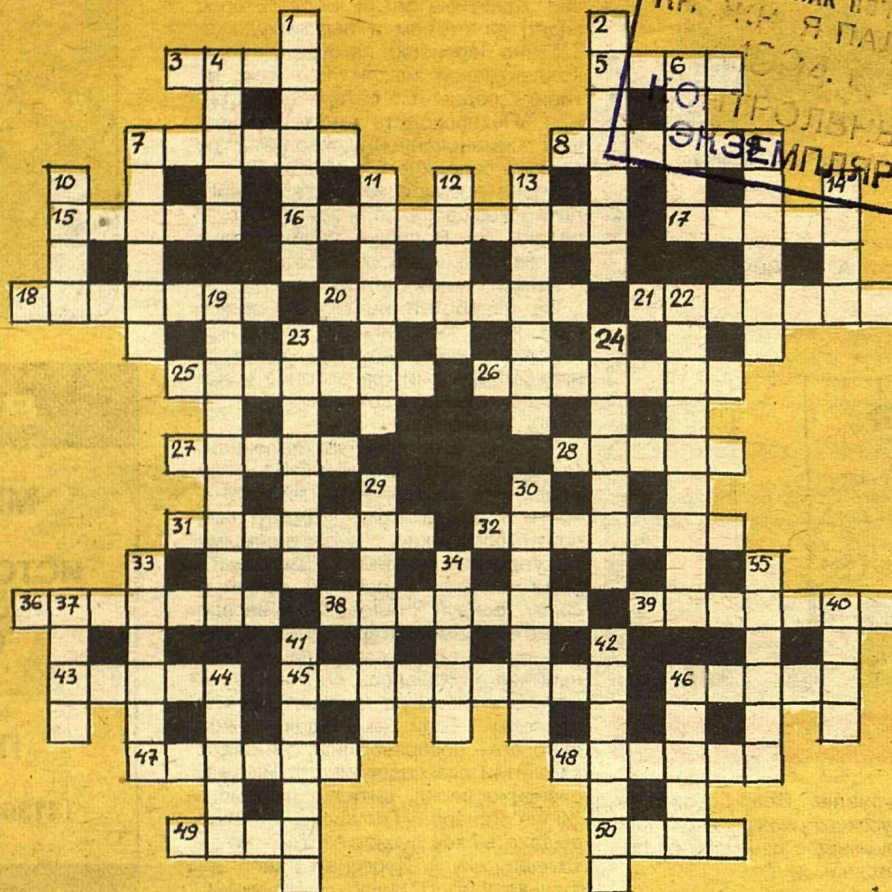
© «Крокодил», 1994.

КРОКОДИЛ

№ 6 • 1994

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Помещение для дуэта или квартета (ж.-д.). 5. Музыкальный треугольник (струнн.). 7. Луковая подручная Робина Гуда. 8. Сплошное казино, где еще и в футбол играют (географ.). 15. Пожарная самокрутка. 16. Военный вспышкопускатель (технич.). 17. Не деньги для клюющих кур. 18. Трудящийся в маске (не крим.). 20. Один в поле воин (лит., кино). 21. Упряжка с конем и трепетной ланью (технич.). 25. Родитель истины (поговор.). 26. Молчаливый примус. 27. Калькулятор по-русски. 28. Обладатель поехавшей крыши (разг.). 31. Премудрая рыбешка. 32. Судный мастер. 36. Грамотная основа (новгородск.). 38. Большая спортивная арена (древнеримск.). 39. Недоалкаш. 43. Голиафозакидатель (библейск.). 45. На все ноги мастер (ринг.). 46. Циркач, которого без конца вызывают на ковер. 47. Буратиновый источник. 48. Главный атрибут рокового мужчины. 49. Собрание политиков, у которых ума — палата (нижняя). 50. Колючий в тумане (мульт.).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ушной наступатель (муз.). 2. С мафией — два сапога пара (сицилийск.). 4. Солдатские прописи. 6. Свободный конвертант с проносом. 7. Расточительный металлист. 9. Мировой закусон. 10. Надголовник (возвышенн.). 11. Первый легкий день недели. 12. Стиляги с точки зрения «Крокодила» 50-х гг. 13. Звездный лучник. 14. Мохнатая блатмейстерша. 19. Отстраненность высшей пробы (политич.). 22. Гоп-стопник. 23. Обиталище белого п. 1. 24. Безнаценник. 29. Шапочка не для свиньи. 30. Давно не разменный пункт (географ.). 33. Самогон-лидер. 34. Единица счета у космонавтов. 35. Подружка китайской пуховки (толкучк.). 37. Деятельность, которой русские любят заниматься по-быстрому. 40. 1/100 «капусты». 41. Джигит на пенсис. 42. Цветок для наименования дикой девушки (киноэротич.). 44. Провожающий с охотой (арсеньевск.). 46. Форменный шик Адама Козлевица.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Валидол. 6. Боливар. 9. Репертуар. 12. Факел. 13. Капля. 14. Хруст. 17. Валет. 18. «Балда». 19. Сахар. 20. Такса. 25. Фреон. 26. Макар. 27. «Рибок». 30. Вертикаль. 31. Свадьба. 32. Дворник.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Караван. 2. Горец. 3. Роман. 4. Балласт. 7. «Сезам». 8. Отель. 10. Сепаратор. 11. Градусник. 15. Пегас. 16. «Банан». 21. Крапива. 22. Парта. 23. Марка. 24. Фонарик. 28. Верба. 29. Слава.

Составил И. КОЧАН,
г. Братск.

Владелец габровского кинотеатра поехал в Лондон покупать фильмы. У входа в один кинотеатр он прочитал объявление: «Для лиц старше 80 лет вход бесплатный». «Отличная мысль», — подумал он и, вернувшись домой, вывесил свое объявление: «Для лиц старше 80 лет, сопровождаемых их родителями, вход бесплатный!»

В окрестностях Габрово жил крестьянин, жена которого заболела. Вечером он отправился в город за доктором, но вернулся с полпути и сказал жене: — Послушай, Пена, когда почувствуешь, что дело идет к концу, потуши лампу, чтобы керосин зря не выгорал!

Габровец спрашивает в Нью-Йорке: — Как добраться до Центрального почтамта? — Возьмите такси. — Благодарю, предпочитаю пешком. — Тогда идите прямо, а в следующую субботу повернете направо.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

ГАБРОВЦЫ О ГАБРОВЦАХ

Габровец стал политиком. Предприниматель из округа решил подарить ему машину. — Не могу ее принять, ведь это будет расценено как взятка. — Хотите, я вам ее продам за двадцать долларов? — Пожалуй, я тогда куплю у вас две.

Габровец спрашивает в отеле: — Сколько стоит номер? — На первом этаже — десять тысяч, на втором — восемь, на третьем — шесть и на четвертом — четыре тысячи. Габровец подумал немного и взялся за чемодан, собираясь уходить. — Что, цена слишком высока? — спросил портье. — Нет, отель слишком низкий! — ответил габровец.

— У тебя есть фотографии твоих близнецов? — Конечно! Вот, пожалуйста! — Но здесь только один! — Этого достаточно. Второй точно такой же!

